

ГРОШ

НА

ОЛИМПЕ

АРОН РОДОВИЧ
АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

рпани

ает

13

ь

ать,

с

НОВЫ

Алексей Елисеев
Грош на Олимпе

«Автор»

«Автор»

2026

Елисеев А.

Грош на Олимпе / А. Елисеев — «Автор», «Автор», 2026

Егор Рудин по прозвищу Грош живёт как умеет. Он чинит дешёвые импланты, помогает тем, кому официальная медицина не по карману. Грош шутит, пока хватает сил, и старается не попадаться на глаза тем, кто носит белые корпоративные дождевики. Но однажды слишком выгодная курьерская доставка превращает его из ремонтника в носителя нейромодуля, за которым охотятся люди «Олимпа». Теперь в голове Гроша сидит Арбитр — исполнительный контур, способный видеть долги, договоры, сервисные ограничения и грязные швы системы, на которых держится весь город. Для корпорации он возвратный актив. Для охотников — награда. Грошу остаётся только бежать, договариваться с теми, кому нельзя верить, и решать, что делать с имплантом, который может его убить или впервые в жизни дать шанс ударить по настоящим хозяевам города.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дождь	5
Глава 2. Курьерская доставка	11
Глава 3. Арбитр в голове	18
Глава 4. Сделка	26
Глава 5. Лада	33
Глава 6. Погоня	40
Глава 7. Соль	46
Глава 8. В будке	51
Глава 9. Выключенный прицел	57
Глава 10. Приказ мертвеца	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Грош на Олимпе

Глава 1. Дождь

Как и всё остальное в Садовой слободке дождь имел свою цену, и она, надобно сказать, бывала весьма различной.

Если на тебе была исправная куртка, он обходился вам всего лишь в сухие плечи да в пару лишних минут простоя у турникета на выходе. Если же куртка была моя, с прожжённым дырами рукавом и молнией, державшейся более на честном слове да на старой обиде, то дождь стоил верной простуды, хлопотной смены пластыря на затылочном порте и ещё одного веского, хотя и совершенно бесплодного, повода ненавидеть этот город. Впрочем, всё это имело значение лишь до тех пор, пока в твоём теле не стоял имплант. С имплантом всё обстояло проще и хуже. Тогда дождь стоил заряда батареи.

Марат Елин, курьер, сидел на самом краю диагностического стола в клинике Фича, закатав одну штанину до колена, и так смотрел на свою рабочую ногу, будто она не просто механизм, а живое существо, его лично и подло предавшее. Нога была из дешёвых, грузовая модель, из тех, что в рекламных роликах будто бы возвращали человеку утраченную свободу движений, а в действительности возвращали его на рабочую смену много быстрее, чем успевали зажить швы после её установки. Коленный сустав щёлкал через раз, сервопривод в голени подвывал с тоскливой монотонностью старого лифта, а на стыке живой кожи и холодного пластика багровела и пухла воспалённая полоса.

На экране моего диагноста тем временем горела донельзя аккуратная и оттого ещё более издевательская надпись: «Нарушение режима эксплуатации».

Какая вежливая фраза. Под этим предлогом человеку можно было преспокойно отключить ногу, уведомить его, что он сам во всём и виноват, а затем ещё и взыскать с него триста восемьдесят рублей так называемого сервисного сбора. Великая всё-таки у нас цивилизация, я каждый раз не переставал радоваться, что живу в столь просвещённую эпоху чистого прогресса.

— Да не топил я её, Грош, — произнёс Марат с отчаянием в голосе, — я просто шёл. Понимаешь, шёл себе и шёл. Лужа там была, не спорю, но я же не нырял в неё с разбега, чтобы искупаться.

— Лужу, друг мой, твоя страховка не покрывает, — проворчал я в ответ и, подцепив защёлки, снял защитный кожух с его голени.

Изнутри тотчас пахнуло сырой пылью, дешёвой смазкой и перегретой изоляцией — запах дурной, но не смертельный из тех, что без обиняков сообщают, что сперва кто-то сэкономил на детали, после на герметике, а затем и на гарантийном обслуживании, платить же за всю эту экономию будет человек, которому завтра с утра опять таскать тяжёлые короба через половину района.

Марат страдальчески поморщился.

— А можно обойтись без твоего юмора?

— Можно, отчего же нельзя, — согласился я. — Только с юмором выйдет дешевле.

— Сколько?

Вот на этом самом месте юмор и закончился, потому что я сперва посмотрел на показания диагноста, а затем перевёл взгляд на обугленный край контакта в механизме. Контакт был не просто залит водой, нет, его основательно так поджарило коротким замыканием. Такое случилось, когда батарея от перегрузки уходила в аварийный режим, а сервисная программа,

вместо того чтобы оказать помощь, принималась с усердием доказывать, что пользователь сам дурак. Пользователь, нужно признать, и впрямь частенько бывал дурак, но только не в этот раз.

— Если рассуждать по-честному, — заключил я, — тебе необходим новый блок стабилизации.

Марат шумно выдохнул носом и от этих моих слов будто бы сразу постарел лет на пять. Ему и без того было всего двадцать шесть, а на вид, если судить по глазам и глубоким морщинам у рта, можно было дать все сорок.

— А если по-нашему? — спросил он с тоскливой надеждой.

— А если по-нашему, то я сейчас поставлю здесь перемышку, как следует почищу контакты и уболтаю эту упрямую железку не помирать до конца недели.

— А после?

— А после, Марат, наступит прекрасное светлое будущее, в котором ты принесёшь мне деньги.

Он криво усмехнулся. Понял, значит.

За моей спиной Фич с грохотом открыл дверцу холодильника, где хранился биогель. Дверца со стуком ударилась о стойку, и на секунду по помещению дохнуло холодом, спиртом и той приторной химией, которой мы обычно пытались удержать человека от того, чтобы он не развалился на части раньше положенного срока.

— Грош, не морочь ему голову, — произнёс Фич своим низким голосом. — Не дотянет его нога до конца недели. Два дня, если он будет передвигаться степенно, как больной паркинсонизмом. Полдня, если будет носиться как курьер.

— Я и есть курьер, — угрюмо напомнил Марат.

— Вот поэтому-то я и питаю слабость к честным идиотам. С ними медицина становится донельзя простой.

Фич был человеком, который умел назвать пациента идиотом так, что тот почему-то чувствовал себя не оскорблённым, а скорее тщательно осмотренным. Низкий, широкий в кости, с руками мясника и пронизательным взглядом того, кто слишком уж много раз видел, как именно корпорация превращает гарантийный талон в похоронный документ, он держал свою клинику на Котельном проезде без всякой вывески. Вывеска требовала лицензии, лицензия — проверок, проверки — денег, а деньги у нас обыкновенно уходили на то, чтобы люди могли продолжать ходить, видеть и при этом не орать от боли.

Наша ниша располагалась между мастерской по ремонту дронов и складом старых тепловых труб. С обшарпанного потолка капало сразу в три подставленных ведра, а на стене висела общая зарядная стойка, в которой одновременно торчали и чужие батареи, и чей-то протез кисти, и чайник самого Фича. Чайник, к слову, был самым стабильно работающим устройством во всём помещении, и это обстоятельство весьма красноречиво говорило о качестве здешней медицины и имплантологии.

Я стянул перчатку зубами, поскольку пальцы левой руки после ночной пайки опять слушались из рук вон плохо. Мой дешёвый глазной имплант поймал сквозь грязное окно отблеск рекламного дождя, и на мгновение картинка сдвинулась вправо. Марат раздвоился, стол поплыл, а на стене напротив вспыхнула чужая рекламная акция.

[ОЛИМП БИОНИКС / РЕКЛАМНЫЙ ПОКАЗ]

Получатель показа: пользователь глазного импланта дешёвой городской серии.

Источник показа: наружная рекламная сеть «Олимп Бионикс».

Текст кампании: «Обнови себя. Тело не должно ждать».

Способ доставки: принудительное наложение на зрительный канал при нестабильной работе импланта.

Оплата показа: не подтверждена пользователем.

Вывод: рекламный контур получил доступ к полю зрения раньше медицинского сервиса.

Глаз мигнул красным предупреждением. Я стукнул себя костяшкой пальца по виску, и картинка послушно вернулась на место.

— Красиво живёшь, — заметил Марат, наблюдавший за моими манипуляциями.

— Это всё потому, что я инвестирую в себя, — не моргнув, ответил я.

— И в какой же части себя у тебя сосредоточены инвестиции?

— В той, которая ещё не находится в залоге.

Фич хмыкнул, но не улыбнулся. Он вообще редко улыбался, когда рядом произносили слово «залог». У нас в районе это слово было почти что медицинским термином. Заложить можно было всё: и батарею, и гарантийное обслуживание, и право на обезболивание после операции, и половину рабочей смены, и будущую премию и даже собственную тишину. Тело в Садовой Слободке, что на Котельном проезде, принадлежало тебе приблизительно до первой просрочки по платежам.

Я тем временем зачистил контакт, приладил перемычку и запустил диагностический тест. Нога дёрнулась с такой силой, что Марат инстинктивно вцепился в край стола.

— Спокойно, — сказал я. — Это она так своей радости не скрывает.

— Так... Она меня пнула!

— Что поделаться... Радость у всех проявляется по-разному.

Диагност немного подумал, выплюнул на экран два предупреждения и наконец сменил свой тревожный красный статус на обнадёживающий жёлтый. Не здоровье, конечно, а всего лишь отсрочка, но к нам, по совести говоря, за ней и приходят. В Садовой эти два понятия зачастую были одним и тем же.

— Два дня, — объявил я. — Не бегать, не прыгать, не пинаться и не таскать более двадцати килограммов за раз.

Марат посмотрел на меня. Я посмотрел на него в ответ.

— Да, — хмыкнул я, — я и сам слышу, до чего это смешно звучит.

Он осторожно, будто боясь что-то сломать, слез со стола. Нога щёлкнула, но на сей раз удержала вес. Марат сделал один шаг, затем второй, после чего беззвучно выругался и полез в карман за деньгами.

— Сколько я тебе должен?

Я назвал сумму, которая была ниже нормальной, но при этом выше той, которую он хотел услышать, ибо в этом и заключается вся тонкость благотворительности. Если сделать что-либо совсем бесплатно, человек почувствует себя покойником загодя, но если взять с него по полной, он им непременно станет. Марат отсчитал несколько мятых купюр, добавил к ним два жетона на батарейную очередь и посмотрел на меня так, будто отдавал не деньги, а добрый кусок своего завтрашнего завтрака.

— Остальное вечером занесу.

— Занесёшь, если нога тебя донесёт.

— Донесёт...

— Тогда сперва ступай к зарядной стойке. Фич, дай-ка ему старый кабель.

— Старый кабель тоже денег стоит, — буркнул Фич себе под нос.

— Новый он всё равно не купит.

— Я, между прочим, вас обоих прекрасно слышу, — подал голос Марат.

— Вот видишь, — Фич извлёк из ящика моток кабеля. — Слух пока не исправно работает. Пользуйся, куда бесплатно.

Марат молча взял кабель, хотел было что-то сказать, но, видимо, передумал и только кивнул в знак благодарности. Славный парень, в сущности. Жаль только, что хорошие парни первыми получают аварийный режим.

Когда он ушёл, за ним в помещение потянуло сыростью мокрой улицы. Котельный проезд гудел за дверью своей обычной жизнью. Грузовые тележки скребли по старому бетону, кто-то отчаянно ругался у ворот, а сверху, с рекламных ферм, сыпался синий неоновый свет, разбитый пеленой дождя на мириады дрожащих полос. Садовая Слободка просыпалась во вторую половину дня. У нас многие предпочитали работать ночью, потому что ночью и электричество дешевле, и проверки слабее, и куда легче делать вид, что ты не совсем уж беден, а просто очень занятой человек.

Я вымыл руки в холодной воде из-под крана. Смола герметика, ввевшаяся под ногти, не отмылась. Она вообще редко сдавалась с первого раза, прямо как долги, только честнее. Смола хотя бы оставляет видимый след там, где прилипла.

Фич поставил передо мной стакан с чаем. Напиток цветом напоминал старую мочу, зато был горячим.

— Ты опять глаз не калибровал, — заметил он, внимательно на меня посмотрев.

— Калибровка стоит восемьсот.

— Ослепнуть стоит дороже.

— Не-а... Если делать это постепенно.

Фич посмотрел на меня так, как смотрят врачи, когда пациент ещё способен разговаривать, но уже мысленно записан у них в голове в раздел «сам себе осложнение».

— Порт тоже надо чистить.

Я машинально дотронулся до затылка. Под короткими волосами неровной дугой тянулся старый, плотный шрам, который вечно зудел на смену погоды. Порт мне поставили ещё по городской программе дешёвой нейросвязи. Таких в Садовой лет десять назад было полным-полно. Детям рабочих вживляли «учебные интерфейсы», чтобы они быстрее проходили адаптацию к технике. Потом программа тихо скончалась, подрядчик сменил название, гарантия испарилась в воздухе, а порты остались. У кого-то они заросли, у кого-то начали гнить, а у меня ещё работал. Иногда мне казалось, что это и есть его главный недостаток.

— Почищу, когда разбогатею...

— То есть вскрытие покажет, — серьёзно заключил Фич.

— Вскрытие пусть оплачивает «Маяк».

Фич хмыкнул уже веселее. Про «Маяк» шутить было почти безопасно, если только стены не слушали. А стены слушали всегда, но не всегда с одинаковым вниманием. У нас даже паранойя работала строго по расписанию. После полуночи сеть проседала, и можно было говорить чуточку свободнее.

Внезапно на мой браслет пришёл сигнал. Не звонок, а серый пинг. Такие сигналы не проходили через обычные каналы связи. Они появлялись на дисплее короткой строкой, без имени отправителя, без истории, без вежливого «добрый день». Просто заказ, сумма, точка и срок.

Доставка. Запечатанный нейромодуль. Забрать: Сенной рынок, склад 4Б. Передать: Котельный проезд, старый котельный блок. Окно: 28 минут. Оплата: 9000 + батарейный ваучер.

Я перечитал сообщение дважды. Девять тысяч были слишком большими деньгами для простой доставки по району и в то же время слишком маленькими для работы, после которой тебя обыкновенно находят в сточной канаве без почки. Иначе говоря, это был ровно тот тариф, при котором умные люди начинают задавать вопросы, а бедные — считать. Бедным я не был, но и не настолько гордым, чтобы притворяться умным.

— Нет, — отрезал Фич, не дожидаясь моих слов.

Я поднял на него глаза.

— Я ведь ещё ничего не сказал.

— У тебя на лице написано, будто тебе предложили много денег за очень плохую идею.

— А может, мне просто приятно жить.

— Тебе?

Аргумент был сильный.

Я показал ему пинг. Фич прочитал, и его лицо сделалось ещё тяжелее. Но он не испугался, страх у него давно уже перешёл в профессиональную экономию мимики.

— Нейромодуль чей?

— Если бы там было это написано, я бы немедля отнёс его в полицию, получил бы почётную грамоту и умер бы от смеха.

— Грош.

Когда Фич называл меня не Егором и не идиотом, а Грошем, это означало, что разговор переходил в серьёзную плоскость.

— Я знаю, — сказал я. — Пахнет дурно.

— Это не запах, Грош, а табличка на двери морга.

Я снова посмотрел на строку с оплатой. Девять тысяч и батарейный ваучер. Марату этой суммы хватило бы на новый блок стабилизации, а мне — на калибровку глаза, чистку порта и две недели еды, если брать лапшу без мяса и не делать вид, будто кофе является продуктом первой необходимости. Человек состоит из принципов ровно до той поры, пока не увидит первую понятную ему сумму.

— Я просто схожу посмотрю, что там за точка.

— Конечно. А если там окажется ловушка, ты очень вежливо уйдёшь?

— А что? Я очень вежливый.

— Ты дешёвый, — поправил Фич. — Это другое.

Вот за это я его и уважал. Редкий человек умел сформулировать мою жизненную стратегию всего в двух словах.

Я допил чай, проверил, на месте ли нож в рукаве и старый шокер в кармане, после чего бросил взгляд на индикатор батареи глаза. Тот показал тридцать один процент и тут же, будто одумавшись, поправился на двадцать девять.

— Если через час не вернусь, — сказал я, направляясь к выходу, — продай мой чайник.

— У тебя нет чайника.

— Вот видишь, даже наследство моё никому проблем не создаст.

Фич молча кинул мне маленький пакет с дезинфицирующими пластырями для порта. Я поймал его на лету.

— Вернёшься — почищу тебе затылок, — сказал он. — Бесплатно.

— Это звучит как угроза.

— Это и есть угроза.

На улице дождь, казалось, только усилился. Садовая улица текла мутными ручьями между торговыми ларьками, путаницей кабелей и длинной очередью у батарейного пункта. Над дорогой висела голографическая реклама «Олимпа». Гладкие, безупречные люди с новыми руками обнимали детей, бегали по белым, как снег, лестницам, изящно держали кофейные чашки, играли на скрипках и вообще жили так, будто ни один сервисный договор в истории человечества не был написан мелким шрифтом.

Под этой рекламой стояли настоящие люди. У одного мужчины под плащом тревожно мигала аварийная подсветка кардиоблока, а женщина в очереди держала на руках мальчишку с дешёвым пластиковым ухом, которое ловило помехи и пищало на каждый проезжающий мимо трамвай, старик же у стены грел ладони над выхлопом уличного генератора, хотя обе кисти у него были синтетическими.

Красивый город, если смотреть на него сверху. Снизу же он отчаянно нуждался в ремонте.

Я пошёл в сторону Сенной, натянув капюшон пониже на глаза. Левый глаз периодически ловил рекламные метки и пытался навесить на прохожих ценники со скидками, бирки с долгами и чужие счастливые лица. В какой-то момент на спину бездомной женщины легла яркая надпись: «ПРЕМИАЛЬНАЯ ЗАМЕНА СУСТАВА — 0% ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ». Я моргнул, и надпись исчезла.

Сенной рынок начинался там, где официальная тротуарная плитка заканчивалась, не выдержав столкновения с правдой жизни. Под навесами продавали решительно всё: батарейные ячейки с перебитыми серийными номерами, биогель, разлитый в детские термосы, горячий суп, кабели всех мастей, чужие гарантийные карты и даже прошивки для глаз, которые обещали ночное зрение, а по факту иногда давали хотя бы не ослепнуть окончательно. В воздухе стоял густой запах пережаренного несколько раз масла из ближайшей точки общепита и застарелой паники, которую люди носили на себе, как дешёвый одеколон.

Глава 2. Курьерская доставка

Склад 4Б оказался не складом, а обычным грузовым контейнером, стоявшим за рядом с нелегальными зарядными станциями. На его двери для вида висел массивный замок. Рядом на ящике сидел мальчишка лет четырнадцати, торговал одноразовыми фильтрами для лёгочных сеток и делал вид, будто совершенно не смотрит в мою сторону.

— Закрывается... — лениво протянул он, когда я подошёл.

— Я вижу.

Он поднял на меня взгляд.

— Ты Грош?

— Это зависит от того, кто спрашивает.

— Тот, кто платит.

— В таком случае, я целых два Гроша. Можете округлить до десяти тысяч.

Мальчишка не улыбнулся, и это был дурной знак. Дети на Сенной обычно улыбались даже в тот момент, когда резали тебе карман. Он постучал по двери три раза, сделал паузу и постучал ещё один раз. Замок внутри щёлкнул сам по себе.

Внутри контейнера было сухо и на удивление тихо. Слишком тихо для Садовой, а это означало, что кто-то либо заплатил за работу глушилки, либо все присутствующие уже умерли. Первый вариант был дороже, второй — популярнее в наших местах.

За узким столом стоял человек в сером дождевике. Лица его было почти не разобрать: низко надвинутый капюшон, маска, дешёвые линзы без единого блика. На столе перед ним лежал кейс размером с книгу, чёрный, матовый, без всякой маркировки. Только на ребре белела пломба — тонкая полоска с номером, который мой глаз попытался прочитать и тут же ушёл в помехи.

— Опоздал на две минуты, — произнёс человек.

— Дождь шёл без моего разрешения, — парировал я.

— Заберёшь кейс. Не вскрывать. Не сканировать. Не мочить. Не подключать. Донесёшь до старого котельного блока. Там скажешь: «Счёт закрыт».

— Обычно за такие подробные инструкции доплачивают.

Он молча положил на стол половину оговорённой суммы наличными. Настоящими. Бумажные купюры были влажными по краям, но подлинными. Наличные деньги в Садовой были редкой птицей. Грязной, нервной, пугливой и очень быстро исчезающей.

— Вторая половина после передачи, — сказал он.

— А батарейный ваучер?

— После передачи.

— Сурово. А я уж было почти почувствовал доверие между нами.

Человек поднял голову. Его линзы поймали тусклый свет лампы, и на секунду мне показалось, что под ними нет глаз, просто два тусклых стеклышка.

— Двадцать четыре минуты, — отрезал он.

Я взял кейс. Он оказался неожиданно тяжелее, чем должен был быть. Вес был неправильный, словно внутри лежала вещь, которая вовсе не хотела, чтобы её куда-то переносили. Под пальцами на боковой грани шевельнулось едва заметное тепло.

Я остановился.

— Он активен?

— Он запечатан.

— Я спросил не это.

За стенкой контейнера что-то глухо хлопнуло. Не выстрел, а скорее звук двери, которую с силой открыли ногой. Затем послышался короткий электрический треск, чей-то сдавленный вскрик и наступила тишина.

Человек в дождевике замер. И вот тут-то стало ясно, что он не заказчик, а всего лишь посредник. И только что его жизнь подешевела быстрее моей старой куртки на барахолке. Он швырнул мне через стол маленькую металлическую пластину.

— Беги.

— А деньги?

— Беги, идиот!

Дверь контейнера с воем выгнулась внутрь. Я успел отскочить в сторону, потому что бедность развивает реакцию куда лучше любых спортивных секций. Дверь сорвало с петель, и в проёме появился человек в ослепительно белом клиническом дождевике с гладкой маской на лице. На груди у него не было логотипа, только тонкая серая полоса, стерильная, как хирургический разрез. За ним стояли ещё двое таких же.

Они не кричали, не матерились и не угрожали. Один из них просто поднял руку, и посредник у стола сложился пополам от невидимого шокового импульса. Второй выстрелил ему в шею чем-то коротким. Тело ударилось о стол, сдвинуло пачку денег, и несколько купюр упали в грязную воду у входа. Вот это было по-настоящему обидно. Не смерть, нет, смерть в Садовой редко кого удивляла. Купюры.

— Объект у курьера, — произнёс первый спокойным, служебным голосом, каким обычно объявляют номер в очереди.

Я не стал проверять, можно ли с ними договориться. С людьми, которые убивают без малейшего раздражения, торг обыкновенно бывает коротким и посмертным. Я ударил локтем по аварийному выключателю на стене контейнера. Свет моргнул, глушилка на секунду захлебнулась помехами, а мой левый глаз ослеп от белой каши на сетчатке. Я швырнул в дверной проход пакет с дешёвыми фильтрами, который стащил с лотка мальчишки ещё на входе, и нырнул под стол.

Шоковый импульс ударил точно туда, где секунду назад находилась моя грудь. Стол вспыхнул снопом искр. Я выкатился наружу с кейсом под курткой и тут же поскользнулся в грязи. Очень героично... Примерно на сто двадцать рублей собственного достоинства.

Мальчишки у двери уже и след простыл. Умный ребёнок. Вырастет, если повезёт. Или потому что не будет стоять рядом со мной.

Сенной рынок взорвался движением. Люди не знали, что именно происходит, но в Садовой это никогда не мешало бежать. Там, где появляются белые дождевики, потом непременно бывают протоколы, зачистки и вопросы, на которые лучше отвечать, находясь уже в другом районе.

Я нырнул между торговыми лотками. Кейс тёплым комком бил по рёбрам. Левый глаз показывал только расплывчатые пятна, а правый тащил на себе всю реальность, как мог. Мокрые испуганные лица, разноцветные мотки проводов, жёлтый пар от лапшичной, чей-то ботинок в луже, чья-то рука, попытавшаяся схватить меня за куртку и получившая за это каблуком по пальцам.

— Извини, — бросил я на бегу. Вежливость ничего не стоит, если произносить её быстро.

За спиной хлопнул разряд. Кто-то упал. Кто-то пронзительно заорал про детей. «Белые» шли через рынок как отлаженная процедура. Один перокладывал путь, второй чистил маршрут, третий смотрел поверх голов. Тех, кто мешал не били, а попросту отключали. И это было плохо. Бандит хотя бы злится на тебя, а корпоративная команда просто убирает помехи с пути.

Я свернул к ряду старых батарей, проскочил под навесом и вылетел на Садовую улицу. Дождь ударил в лицо так, будто только меня и ждал. Глаз дёрнулся, перезагрузился и выдал

мне остаток заряда в двадцать один процент. Отлично. Ещё немного, и я смогу умереть с естественным зрением.

До Котельного проезда было пять минут бегом, если, конечно, бежать человеком с нормальными лёгкими, в нормальных ботинках и без клинической команды за спиной. У меня из всего этого списка имелись только ботинки, да и те были куплены на рынке после пожара.

Кейс под курткой начал нагреваться.

— Не надо, — сказал я ему. — У нас с тобой отношения сугубо деловые.

Кейс не ответил, и это, как ни крути, уже был плюс.

На перекрёстке у батарейной очереди я увидел Марата. Он стоял под навесом, его нога была подключена к старому зарядному кабелю, а лицо было серым от боли и бессильной злости. Он увидел меня, потом «белых» у меня за спиной, потом снова меня. Я мотнул головой, показывая чтобы он не лез.

Марат сделал ровно то, что обычно делают люди, которым вчера ещё отчаянно нужна была помощь, а сегодня уже нестерпимо хочется вернуть долг. Он шагнул в сторону и толкнул пустую грузовую тележку поперёк прохода. Тележка была дрянная, кривая и шумная. Зато тяжёлая.

Первый «белый» перепрыгнул через неё. Второй споткнулся. Третий навёл руку на Марата.

Я остановился на полшага. Какая глупость. Дорогая, бессмысленная, но очень человеческая глупость.

Марат смотрел на поднятую на него руку и, кажется, прекрасно понимал, что его сейчас выключат вместе с ногой, а может, и с чем-нибудь повыше. Его рабочий протез мигнул жёлтым — моя перемычка пока держалась. Я выдернул из кармана шокер, развернулся и бросил его не в «белого», а в лужу у него под ногами.

Разряд пошёл по воде, слабый и не смертельный. Но «белый» дёрнулся, и его импульс ушёл в сторону. Вместо Марата он снёс рекламный щит у батарейной очереди. Щит жалобно вспыхнул последним предложением о семейной скидке на протезирование и умер. Эта семейная скидка стоила дороже моего шокера, и я почти расстроился.

— Беги! — заорал я Марату.

— Сам беги!

— Я первый сказал!

Дальше спорить было некогда. Я рванул на Котельный проезд.

Промышленная полоса Садовой встретила меня запахом горячих труб, мокрого бетона и старого машинного масла. Здесь дождь звучал иначе. Капли дробно стучали по железным воротам, вентиляционным кожухам и крышам мастерских. Клиника Фича осталась где-то справа, за поворотом. Впереди чернел старый котельный блок, низкий, широкий, с кирпичом, который помнил ещё те времена, когда людей ломали без помощи сервисных приложений.

На браслет пришёл новый пинг. 4 минуты. Спасибо. Без этого я бы, пожалуй, подумал, что вечер складывается на редкость удачно.

Кейс под курткой вдруг стал по-настоящему горячим, как кожа вокруг сильного воспаления. Я зашипел и прижал его к себе крепче, чтобы не выронить. На пломбе вспыхнула и замерзала тонкая белая линия. Мой затылочный порт тотчас ответил не сильной болью, но узнаваемой болью. Так болит старая железка, когда кто-то пытается пройти через неё без спроса.

Я остановился у боковой стены котельного блока и прислонился плечом к холодному кирпичу. Дождь стекал по лицу, попадая в рот, и на вкус был ржавым. За спиной уже отчётливо слышались шаги. «Белые» не спешили. Им и не надо было, ведь у них, в отличие от меня, наверняка были и нормальные ботинки, карта района, и право стрелять без предупреждения.

— Только не сейчас, — пробормотал я, обращаясь к кейсу.

Пломба раскрылась. Без звукового сопровождения — просто белая линия погасла, и крышка кейса приоткрылась на палец. Внутри лежал модуль. Я видел нейромодули и раньше. Снимал пару раз офисные ускорители, ставил дешёвые адаптеры для складских сканеров, однажды даже вытаскивал из головы одного парня подпольный игровой контур, который считал, что судороги повышают вовлечённость. Но эта штука была другой.

Чёрная пластина с живым, почти тёплым блеском. Тонкие контакты, сложенные внутрь, как лапки мёртвого насекомого. На корпусе не было ни бренда, ни серийного номера, только едва заметная гравировка, которую мой глаз никак не мог поймать в фокус. Модуль не выглядел новым, но определённо выглядел дорогим. А это, как известно, разные вещи. Старое дорогое железо куда опаснее нового. Новое хотя бы пытается быть вежливым и притворяется послушным.

Затылочный порт дёрнуло снова, на этот раз сильнее. Я попытался закрыть кейс, но крышка не поддалась.

— Нет, — сказал я.

Модуль поднял свои контакты. И вот тут я испугался. По-настоящему, без шуток, расчётов в порциях лапши и зарядах батарей. Потому что можно бежать от людей, от долгов, от договора, от клиники, от белого дождевика. Но от железки, которая уже нашла твой порт, бежать куда сложнее. Особенно если этот порт находится у тебя в затылке.

Я с силой ударил кейсом об стену. Модуль не выпал, зато кейс треснул. Контакты вытянулись тонкими чёрными нитями, и в голове у меня вспыхнула чужая, системная боль. На внутренней стороне зрения открылась строка.

[АРБИТР / ПЕРВИЧНАЯ ПРОВЕРКА СОВМЕСТИМОСТИ]

Объект подключения: исполнительный нейроконтур неустановленной серии.

Точка входа: затылочный порт серии Г-17/МУН.

Класс порта: городская бюджетная партия для рабочих кварталов.

Состояние порта: изношен, но сохраняет проводимость.

Совместимость: допустимая.

Согласие носителя: не запрошено.

Вывод: подключение возможно без штатной подготовки носителя. Риск боли, ожога тканей и отказа зрения принят контуром как допустимый.

Г-17. Городская партия. Та самая дешёвая дрянь, которую ставили нам пачками, потому что нормальные порты для детей рабочих были экономически нецелесообразны. Я даже успел подумать, что это донельзя смешно. Корпорация столько лет сэкономила на наших затылках, но однажды чужая дорогая железка решила, что и так сойдёт.

Потом первый контакт вошёл в порт. Боль была белой. Не сильной или слабой, а именно белой. Она выжгла цвет из дождя, кирпичной стены, моих рук, рынка, и всего остального мира. Я ударился затылком о стену, но это уже не имело никакого значения. Второй контакт прошёл глубже, и левый глаз погас. На секунду я видел только правым. «Белые» дождевики вышли из-за угла. Первый из них поднял оружие. Модуль в затылке раскрылся окончательно.

Внутри головы что-то сухо, без голоса и без интонации, вывело строку:

[АРБИТР / ПЕРВИЧНОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ]

Обнаружен объект: исполнительный контур.

Статус объекта: активен, но не связан с подтверждённым владельцем в текущем сеансе.

Точка размещения: затылочный порт носителя.

Фактический носитель: Егор Рудин.

Согласие носителя на регистрацию: отсутствует.

Связь с текущим событием: рядом находятся исполнители возвратного приказа.

Вывод: контур перешёл в режим аварийной самоидентификации через живого носителя.

Я попытался выругаться, но язык не работал. Мир перед глазами вдруг превратился в схему. На белом дождевике первого преследователя вспыхнула тонкая надпись цепочки допуска, номера контракта, медицинской лицензии, временного приказа без открытого основания. На его оружии появилась строка страховки. А на моём собственном теле замигали несколько красных меток, и самая крупная из них билась в затылке, как второе сердце.

[АРБИТР / СТАТУС НОСИТЕЛЯ]

Фактический носитель: Егор Рудин.

Регистрация носителя: отсутствует.

Назначение носителя владельцем: не найдено.

Согласие носителя на установку: не найдено.

Защита носителя: ограничена до завершения первичной регистрации.

Вывод: носитель существует для контура как тело с подключением, но ещё не существует как признанный участник спора.

Спасибо, подумал я. Я тоже не был в восторге от нашего знакомства.

«Белый» выстрелил. Я упал раньше, чем успел понять почему. Тело просто выключило ноги, и энергетический импульс прошёл над моим плечом, ударив в кирпичную стену. Крошка посыпалась мне за воротник. Модуль в голове нагрелся так, что я почувствовал запах собственной палёной кожи.

[АРБИТР / АВАРИЙНАЯ ЗАЩИТА НОСИТЕЛЯ]

Источник угрозы: вооружённый исполнитель возвратного приказа.

Объект угрозы: фактический носитель исполнительного контура.

Риск для контура: повреждение головы или порта.

Риск для носителя: допустим системой только в пределах сохранности контура.

Доступная защита: недостаточно прав.

Причина отказа: носитель не зарегистрирован, владелец не подтверждён, свидетель отсутствует.

Вывод: контур фиксирует угрозу, но не имеет полномочий полноценно защищать тело носителя.

Очень утешительно.

Я пополз к боковой двери котельного блока. Рука скользила по мокрому бетону. Кейс остался лежать раскрытым у стены, уже пустой и бесполезный, как и большая часть моих жизненных решений. Где-то рядом пронзительно орал сигнал. Может, это был мой браслет, а может и порт, но может, и я сам.

Второй «белый» сказал:

— Не стреляйте ему в голову.

Вот теперь вечер совсем перестал быть томным. Если голову не надо повреждать, значит, всё остальное можно.

Я дотянулся до двери. Заперто. Конечно, заперто. Мир редко дарит драматичные побеги без соблюдения технических условий. Внутри зрения мигнула новая строка.

[МАЯК / ПРОВЕРКА СЕРВИСНОГО ВХОДА]

Объект доступа: боковая дверь котельного блока.

Тип объекта: сервисный вход аварийного обслуживания.

Связанный договор: «Маяк» / котельный блок.

Статус аварийного открытия: просрочено.

Причина отказа: договор обслуживания не продлён, аварийный доступ снят с приоритета.

Риск для пользователя: задержка в зоне преследования.

Вывод: инфраструктура сохраняет дверь, но юридически отказывается признавать аварийность ситуации.

Я засмеялся. Но не потому, что было весело, просто мой организм выбрал столь странный способ не сойти с ума.

— Просрочено, — прохрипел я. — Родное.

Пальцы сами нашли старую панель доступа под слоем грязи, которую я никогда раньше не замечал. Или замечал, но не считал дверью. Модуль вывел поверх металла схему. Просто два контакта, один мёртвый, второй под слабым питанием от аварийной линии. Нужен был ток. Шокер я бросил у Садовой. Зато в кармане оставалась та самая пластина, которую мне кинул посредник.

Я вытащил её дрожащими пальцами. Маленький ключ без маркировки. Или не ключ. В Садовой половина вещей становилась ключами, если сунуть их в правильное место и пережить результат.

«Белый» подошёл ближе.

— Лежать.

— Я бы с радостью, — сказал я, прижимая пластину к панели, — но аренда не ждёт.

Панель коротко вспыхнула. Дверь приоткрылась на ладонь. Я ударил в неё плечом, протиснулся внутрь и полетел вниз по мокрым металлическим ступеням. За спиной хлопнул разряд, дверь заклинило, и на секунду стало совсем темно.

Потом темнота тоже поплыла и превратилась в схему.

Тоннель тянулся под Котельным проездом, узкий, сырой, с трубами вдоль стен и старой маркировкой «Маяка» на люках. Я упал на колени, попытался встать, но не смог. Голова раскалывалась, затылок горел. Во рту стоял вкус крови и дешёвого металла.

Модуль продолжал писать послания на глазные нервы.

[АРБИТР / ВРЕМЕННЫЙ СТАТУС НОСИТЕЛЯ]

Фактический носитель: Егор Рудин.

Статус носителя: временный.

Подтверждение статуса: не завершено.

Свидетель регистрации: отсутствует.

Привязка к локальному узлу: отсутствует.

Риск изъятия: критический.

Причина риска: контур распознан как возвратный актив, а носитель не признан стороной с устойчивым правом возражения.

Доступное действие: найти свидетеля, узел регистрации или форму временной самоидентификации.

Очень приятно познакомиться.

Я сделал ещё один шаг, потом второй. Ноги двигались хуже Маратовой ноги на моей перемычке. Где-то наверху «белые» пытались вскрыть дверь. У них точно получится. У всех, у кого есть деньги и распоряжение, в итоге получается вскрыть любую дверь. Вопрос лишь в том, сколько минут остаётся парням вроде меня между приказом и его исполнением.

Прижал ладонь к затылку и пальцы стали мокрыми. Кровь это была или дождевая вода, я уже не понимал.

Впереди, за поворотом, горел слабый зелёный огонёк аварийного выхода. Я пошёл на него и почти дошёл. На третьем шаге тоннель качнулся. На четвёртом исчез пол. На пятом я понял, что лежу лицом на мокрой решётке и больше не могу поднять голову.

Последняя мысль была как это ни странно не о смерти или корпорации, даже не о том, что Фич сейчас будет очень недоволен состоянием моего затылка. Я подумал, что Марат всё-таки должен мне остаток за ремонт.

Потом в голове или на экране дополненной реальности зажглась ещё одна строка, крупнее всех предыдущих:

[АРБИТР / АКТИВАЦИЯ]

Исполнительный контур перешёл в активный режим.

Причина активации: подключение к живому носителю при угрозе возврата и повреждения контура.

Первичная функция: выявление прав, долгов, договоров, статусов и допустимых действий вокруг носителя.

Режим взаимодействия: прямой вывод в зрительное поле без речевого интерфейса.

Согласие носителя: отсутствует.

Ограничение: контур не подтверждает безопасность носителя. Контур подтверждает только возможность использовать носителя для проверки прав.

Садовая погасла.

Глава 3. Арбитр в голове

Сознание вернулось ко мне с отчётливым ощущением, будто кто-то уже приценивается к моей голове, намереваясь вскрыть её тупым конервным ножом и распродать её по частям. Не в буквальном смысле, разумеется, хотя и в этом я не был до конца уверен. Где-то справа, словно из-под толщи воды, доносился низкий и недовольный голос Фича, урчавший, как старый генератор, в который опять залили суррогат вместо нормального высокооктанового топлива.

— Глаз отдельно не трогать, — пророкотал он. — Порт тоже. Да не теребонькай пипетку, охлаждением сначала займись. Если у него сейчас мозги вскипят, я тебе эту стойку в позвоночник вкручу, будь уверен.

Второй голос, принадлежавший, по-видимому, молодому человеку, прозвучал тоньше и с ноткой испуганной почтительности.

— Я просто спросил, можно ли снять кожух...

— Со головы своей кожух снимешь, засранец, — отрезал Фич.

Что ж, это обнадеживало. Я находился у Фича, а если просыпаешься в его подпольной клинике, это обычно означает одно из двух. Ты либо каким-то чудом выжил, либо он ещё не успел этот факт опровергнуть. Оба варианта представлялись мне куда более привлекательными, нежели перспектива прийти в себя под взглядами людей в белых дождевиках, ощущая лицом холод мокрой решётки и красную точку лазерного прицела на затылке.

Я предпринял попытку открыть глаза. Правый подчинился без возражений, а вот левый сперва выдал серую рябь помех и белого шума, затем выхватил кусок потолка и, наконец, показал мне совершенно чужой рекламный баннер, которого в этой дыре быть никак не могло. Реклама сулила кредит на замену суставов под «честный процент». Справившись с приступом тошноты и головокружения, я поспешно моргнул, и баннер исчез, оставив после себя лишь тонкую красную линию, дрожавшую в углу поля зрения.

[АРБИТР / КАЛИБРОВКА ЗРЕНИЯ]

Сенсорный канал: левый глазной имплант.

Состояние: сбой калибровки.

Побочный вывод: рекламный слой и сервисные метки отображаются поверх реального зрения.

Причина: перегрузка после подключения исполнительного контура.

Вывод: носитель видит служебные данные, но не контролирует порядок их появления.

Благодарю покорно, я и без твоих подсказок это заметил.

Выяснилось, что я лежу на хирургическом столе, ощущая спиной жёсткую, холодную клеёнку, а под шеей — валик, наскоро свёрнутый из чьей-то куртки. Прямо надо мной висела лампа с треснувшим плафоном, и свет её бил в глаза резко и без всякой медицинской деликатности. В спертom воздухе смешались запахи спирта, биогеля, мокрой ткани и палёной кожи. Последний, как я с неприятным холодком догадался, принадлежал мне. Я заключил это по тому, как пристально Фич всматривался в мой затылок.

— Если ты сейчас скажешь, что бывало и хуже, — прохрипел я, чувствуя, как слова царапают пересохшее горло, будто оно всю ночь служило складом для пыли, — я тебе не поверю.

Фич наклонился ко мне так близко, что я смог разглядеть щетину на его щеках и запекшуюся кровь на лбу — скорее всего, чужую, хотя с Фичем никогда нельзя было быть в чём-то уверенным.

— Бывало и хуже, — без тени иронии подтвердил он, — но реже.

— Я же просил...

— Это я и не для тебя говорю. Для себя.

Я попробовал пошевелиться, и тело тотчас же отозвалось целым букетом болезненных ощущений. Рёбра, отдаваясь тупой болью, напоминали о недавнем падении, левое плечо горело там, где я приложился о дверь, спина была мокрой от липкого пота. Затылок же ощущался так, будто туда вкрутили раскалённую монету и забыли спросить, нужна ли сдача. А затем я почувствовал нечто иное, не боль. Что-то вроде чужого присутствия. Глубоко внутри головы, где-то под слоем моих собственных мыслей, стояла чужая, гулкая тишина. Это очень напоминало ощущение пустого кабинета с включённым светом, куда меня не приглашали, но где кто-то уже какое-то время был, уже успел разложить на столе свои документы и заварить себе чай.

Я закрыл глаза, но тишина никуда не делась. Открыл их снова. В углу экрана дополненной реальности возникла строка текста.

[АРБИТР / РЕГИСТРАЦИЯ ПРОБУЖДЕНИЯ НОСИТЕЛЯ]

Носитель: Егор Рудин.

Статус: в сознании.

Регистрация: не завершена.

Состояние: после травмы, перегрев порта, нестабильное зрение.

Доступ к телу: осуществляется через медицинский стол без подтверждённой лицензии процедуры.

Вывод: носитель жив, но юридически ещё не оформлен как сторона спора.

— Фич... — позвал я.

— Вижу.

— Ты это тоже видишь?

— Я вижу, что твой зрачок делает то, чего зрачки делать не должны, — ответил он, не отрывая от меня взгляда.

— А если конкретнее?

— Как цифровой торч выглядишь...

Я повернул глаз в его сторону, не прилагая к этому особых усилий, просто посмотрел. И мир вокруг меня вдруг пополз слоями. Само лицо Фича ничуть не изменилось. Он по-прежнему стоял, держа в руке пинцет, с серыми пятнами изоляционной пасты на пальцах. Но поверх его фигуры, словно плохая реклама на стекле, возникли тонкие, полупрозрачные строки.

[АРБИТР / ПРОВЕРКА МЕДИЦИНСКОГО СУБЪЕКТА]

Субъект: Филипп Бармин.

Роль в текущем событии: неофициальная медицинская помощь фактическому носителю.

Лицензия: аннулирована.

Допуск к операциям: оспорен.

Задолженность: «Маяк» / медицинское оборудование / 18 430.

Актив под риском санкции: стойка охлаждения.

Фактическое значение: помощь носителю выполняется лицом без действующей защиты лицензии.

Риск: любая фиксация вмешательства может быть использована против Бармина и против носителя.

Я зажмурился так резко, что в затылке отозвалось острой болью.

— Фич, — выговорил я, с трудом ворочая языком. — У тебя что, стойка охлаждения в залоге?

В клинике повисла такая тишина, что я услышал, как молодой справа перестал дышать. Фич очень медленно, с театральной аккуратностью, положил пинцет на металлический поднос.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он вкрадчиво.

— Хотел бы я сказать, что из глубокого уважения к твоей финансовой безответственности, но нет.

— Грош...

— Оно пишет.

— Кто или что «оно»?

Я не ответил сразу, потому что правильный ответ был «не знаю», а неправильный уже уютно устроился в моём затылке и грелся, подобно незаконно подключённому серверу в подвале. Я повернул голову вправо, и это оказалось ошибкой. Боль ударила белым светом, мир на секунду провалился в небытие, а когда вернулся, я увидел у стойки пацана. Тот самый мальчишка с Сенного, только теперь без своего лотка с фильтрами. Тощий, мокрый, с рассечённой губой, он сжимал кабель охлаждения обеими руками и смотрел на меня так, будто я вот-вот либо умру, либо потребую плату за это зрелище. И поверх него тоже вспыхнула надпись:

[АРБИТР / ПРОВЕРКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СУБЪЕКТА]

Субъект: несовершеннолетний помощник клиники.

Статус занятости: неформальная.

Долг семьи: батарейная очередь, две просрочки.

Ограничение: доступ к фильтрам лёгочной сетки ограничен.

Связь с текущим событием: субъект находится рядом с носителем и может быть внесён в сервисный след.

Фактическое значение: долг семьи используется как рычаг давления на ребёнка, не имеющего полноценной договорной защиты.

Вывод: контакт с носителем повышает риск санкций для семьи субъекта.

— Прекрати... — сказал я, обращаясь не то к нему, не то к себе.

Пацан заметно побледнел.

— Я ничего не сделал.

— Да, не ты.

— Тогда кто? — в его голосе прозвучало искреннее недоумение.

Какой хороший, а главное своевременный вопрос. Я уставился в потолок, и тот, к моему невеликому удивлению, тоже оказался должен Маяку за электроэнергию. В этом была своя, извращённая логика. Фич снова наклонился ко мне.

— Что именно ты видишь?

— Долги...

— Чьи?

Я едва не ответил «всех», но строки в то же мгновение распались и смешались в хаотичную кашу. У Фича были одни записи, у пацана — другие, у зарядной стойки — третьи. Часть данных сопровождалась датами, другая была помечена лишь красными маркерами тревоги. Где-то вместо цифр зияли пустые поля. У одной из батарей, подключённой к стойке, система и вовсе вывела вердикт: ВЛАДЕЛЕЦ: УМЕР, хотя батарея преспокойно заряжала чей-то чужой протез. Это было не всеведение, а скорее доступ к адской бухгалтерии.

— Обрывки, — поправился я. — Старые, спорные записи. Всё, что связано с Маяком, гарантией, долгами. Оно цепляется за сервисные хвосты в данных.

Фич смотрел на меня с таким пристальным вниманием, что мне стало не по себе.

— Ты это сейчас выдумал?

— Я бы выдумал что-нибудь повеселее, например как мы поехали в отпуск.

— Ты не в моём вкусе, Грош...

Он отвернулся к своему старому монитору с треснутым углом, который был подключён к диагностическому комплексу через переходник, спаянный мною же с полгода назад. На экране билась неровная красная линия температуры моего порта, нервная и дёрганая, до странности похожая на мою собственную жизнь, если убрать из неё последние иллюзии.

— Модуль сел в порт, — произнёс Фич, не отводя глаз от экрана. — Но сел не полностью. Я даже не знаю, как это правильно назвать.

— Попробуй слово «плохо».

— «Плохо» — это когда я вынимаю осколок из твоей задницы. Здесь другая категория.

— Дорогая?

— Думаю, что смертельная...

Вот тут мне резко расхотелось шутить. Фичу, судя по всему, тоже. Он повернул ко мне экран, и хотя я плохо различал цифры, обилия красного цвета было достаточно, чтобы всё понять.

— Слушай, а снять его можно? — севшим голосом спросил я.

Фич молчал, и это его молчание давило на психику сильнее чем забористая матерщина.

Пришлось поторопить его:

— Слушай, я спросил не потому, что люблю драматические паузы...

— Если я попытаюсь выдернуть его сейчас, — медленно проговорил он, — я почти уверен, что ты склеишь лапы прямо на этом столе.

— Почти?

— Если повезёт, сначала просто ослепнешь.

— А если не сейчас?

— Если не сейчас, оно может врасти ещё глубже тебе в мозги.

— Какой оптимистичный выбор...

— Я не закончил, — перебил он. — Если оставить эту дрянь без охлаждения, порт перегреется и сгорит вместе с частью твоего мозга. Если я полезу внутрь без схемы, я превращу тебе затылок в суп. А если мы вызовем сюда нормальную клинику, тебя заберут те же самые люди, от которых ты, судя по всему, очень творчески, но не очень успешно убежал.

Я слотнул, ощущая во рту отчётливый привкус металла.

— Они наглухо завалили посредника...

— Я так и понял.

— Нет, ты не понял. Они сделали это даже не как бандиты, а как служба санации, когда нужно вынести мусор.

Фич коротко кивнул.

— Белые?

— Ты их видел?

— Я видел дырку в твоей куртке, ожог на кирпичной крошке у Сенного и этого мальчишку, который прибежал сюда с криком, что Гроша режут какие-то белые. Мне этого хватило чтобы сделать кое-какие выводы.

Я перевёл взгляд на пацана. Тот насупился и пожал плечами, словно оправдываясь.

— Ты сказал бежать, — буркнул он. — Я и побежал. А потом подумал, что если ты сдохнешь, Фич с меня спросит.

— Благоденствие нового поколения меня искренне трогает.

— Подумаешь. Я и уйти могу...

— Не можешь, — властно остановил его Фич. — Держи кабель.

Пацан снова послушно вцепился в шланг охлаждения. Я же лежал и пытался прикинуть, сколько у меня осталось времени до того момента, как люди в белом обнаружат эту клинику. И понимал, что немного. Они знали рынок, они видели меня на Садовой, а значит, наверняка

могли поднять записи с камер. Правда, Садовая камеры не жаловала и часто транслировала на них помехи, замазывала грязью и подставными лицами, но люди в белых дождевиках производили впечатление тех, у кого в арсенале есть не только камеры. Главное, что у них были допуски и контракты, а ещё медицинские лицензии. Модуль в моей голове сам мне это показал.

Я попытался снова вызвать строки с информацией, но ничего не вышло. Только красная метка в затылке продолжала неприятно пульсировать, да в ушах стоял тонкий шум, похожий на гул дальнего трансформатора.

— Оно меня не слушается...

— Прекрасно, — отозвался Фич. — В тебе сидит дорогая корпоративная железка, которая тебя не слушается.

— Фич...

— Чего?

— Если я не вывезу, сожги порт.

Он посмотрел на меня так, что я пожалел о сказанном ещё до того, как успел сделать следующий вдох.

— Ты мне тут героические завещания не начинай. У меня пол грязный, не пачкай.

— Я серьёзно.

— Так, я тоже серьёзно. Умирать будешь там, где я тебе разрешу, а пока не смей.

Наверное, это должно было меня успокоить. И, как ни странно, почти успокоило. Я снова закрыл глаза, и в темноте чужая тишина стала плотнее, обрела вес, объём и фактуру. На этот раз строка появилась сама, без всякой картинки.

[АРБИТР / ЗАПРОС СТАТУСА НОСИТЕЛЯ]

Объект запроса: фактический носитель исполнительного контура.

Требуемые данные: имя, живой статус, возможность временной самоидентификации.

Причина запроса: контур не может продолжить первичную регистрацию без минимального статуса тела.

Риск отказа: носитель останется только местом размещения актива.

Доступное действие: подтвердить себя как живого носителя.

— Нет, — прошептал я.

Фич замер.

— Что «нет»?

— Оно что-то просит.

[АРБИТР / ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС СТАТУСА]

Запрос статуса носителя повторён.

Причина повтора: ответ носителя не получен.

Текущий режим: требование, не диалог.

Последствие задержки: контур сохранит временный статус без расширения защиты.

Доступное действие: назвать себя и принять временную самоидентификацию.

— Как просит?

— Как налоговая. Без просьбы, с требованием.

[АРБИТР / ЗАПРОС САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НОСИТЕЛЯ]

Регистрация носителя: отсутствует.

Свидетель регистрации: отсутствует.

Физическая точка узла: отсутствует.

Штатная процедура подтверждения: невозможна.

Временная самоидентификация: допустима.

Смысл процедуры: контур принимает имя, волю и живой статус носителя как минимальную запись до проверки.

Ограничение: временная самоидентификация не создаёт права собственности на контур и не отменяет возвратный приказ.

Я распахнул глаза.

— Фич, ты знаешь, что такое «временная самоидентификация»?

— В обычном смысле?

— Не... В корпоративном.

— В корпоративном смысле даже «добрый день» может означать неминуемую ампутацию яиц. Читай дальше.

— Я не читаю. Оно само пишет.

[АРБИТР / ПЕРВИЧНАЯ КАРТОЧКА АКТИВА]

Актив: исполнительный контур.

Первичный владелец: Основатель.

Назначенный носитель: не найден.

Фактический носитель: Егор Рудин.

Статус фактического носителя: временный носитель до проверки.

Право владения фактического носителя: не возникает.

Юридический конфликт: контур находится внутри живого человека, но запись владельца не совпадает с текущим телом.

Доступное действие: подтвердить живой статус, источник установки и конфликт приказа.

Мне стало холодно. И холод этот шёл изнутри, из того места, где до этого момента жила простая и ясная мысль, что я украл чужую железку, меня за это хотят поймать и, возможно, убить, значит, нужно либо спрятаться, либо её продать. Оказалось, всё гораздо неприятнее. Железка уже не считала меня вором. Она присвоила мне статус. Временный носитель. Вот только это не успокаивало, а наоборот. В корпоративном лексиконе это звучало, как способ оформить твоё тело в некую промежуточную юридическую категорию, чтобы потом было удобнее спорить, кому именно его можно резать и законно разобрать на органы.

— Оно знает моё имя.

Фич выругался без слов, просто с шумом выдохнув сквозь стиснутые зубы.

— Откуда?

— Маяк. Мой порт. Долги. Глаз. Я не знаю. У меня в личных данных столько дыр, что там не только корпорации, там целый город может спрятаться.

Пацан у стойки вдруг тихо спросил:

— А оно может долги списать?

Мы с Фичем одновременно повернулись и уставились на него. Мальчишка тут же покраснел.

— Я просто спросил.

Мне хотелось сказать что-нибудь резкое или здо сострить, но я сдержался. Потому что вопрос, по сути, был не глупый, а типичный для наших мест и времени. Если в твоей голове вдруг завелась дорогая корпоративная дрянь, нормальный человек спросит, как её оттуда вытащить. Человек с Садовой Слободки спросит, можно ли через неё отменить долги.

Я перевёл взгляд на зарядную стойку. Строки вспыхнули снова, как будто модуль отреагировал не на мои слова, а на само направление внимания.

[АРБИТР / БАТАРЕЙНАЯ ЯЧЕЙКА]

Объект проверки: батарейная ячейка 4.

Владелец: Марат Елин.

Статус платежа: просрочка 2.

Планируемое действие оператора: аварийное ограничение через 11 часов.

Заявленная причина: нарушение режима эксплуатации.

Фактическая пометка: причина спорная.

Сервисный риск: ограничение ячейки повлияет на медицинский протез нижней конечности.

Вывод: оператор применяет финансовую меру к устройству, от которого зависит движение живого человека.

А под этой строкой мелькнула маленькая серая пометка.

[АРБИТР / ПОМЕТКА К ПРИЧИНЕ ОГРАНИЧЕНИЯ]

Исходная причина ограничения: нарушение режима эксплуатации.

Статус причины: спорная.

Основание сомнения: сервисная запись не доказывает умышленное повреждение устройства.

Фактическое значение: оператор может ограничить батарею до разборательства, а владелец устройства должен доказывать, что он не виноват.

Вывод: бедный абонент считается нарушителем раньше, чем получает возможность спорить.

Я сел. Слишком резко. Мир хрустнул, в затылке вспыхнула боль, и Фич тут же прижал меня обратно к столу одной рукой.

— Лежать.

— У Марата спорная причина, — выдавил я.

— У всех тут, на Садовой, спорная причина.

— Нет. Оно показывает. Не просто долг. Там причина официально помечена как спорная.

Фич застыл, вглядываясь в моё лицо.

— Ты уверен? Точно?

— Уверен, если это не какой-то новый вид инсульта.

— Инсульт штука коварная, но я таких ещё не встречал. Есть подробности?

Я попытался удержать строку в поле зрения, но она расползлась. Вместо записи о Марате полезли другие: женщина с кардиоблоком у батарейной очереди, мальчишка с протезом уха, чей-то позвоночный стабилизатор, холодильник Фича, мой собственный глаз, чужие гарантии, просрочки, списания, отказы. Красные точки тревоги загорались вокруг меня, словно очаги инфекции. Слишком много информации. Я застонал и зажмурился, сжимая виски

Фич накрыл мне лицо холодной влажной салфеткой.

— Не лезь туда.

— Я и не лезу... Оно само в меня лезет...

— Тогда не смотри.

— Я всю жизнь мечтал услышать медицинский совет «не смотри на долги». Это вредно для твоего здоровья.

— Могу дать второй. Не умирай прямо сейчас, Грош. Мы что-нибудь придумаем.

— Этот свет я уже слышал, окончательного пока решение по нему не принял.

Пульс стучал в затылке, отдаваясь глухими ударами. Модуль замолчал, но на этот раз это было уже другое молчание. Словно он не исчез, а просто ждал, пока я перестану быть настолько бесполезным. Фич отошёл к шкафу, где хранил снятые с пациентов порты, и достал оттуда старый экранирующий воротник. Я узнал его. Мы сняли эту штуку с бывшего грузчика, которому Маяк вклеил ограничитель на шейный имплант после третьей просрочки. Воротник был тяжёлый, уродливый и, если верить памяти, отчётливо пах потом, безнадёгой и страхом.

— Нет, — сказал я.

— Да, — отрезал Фич.

— Это же с Петровича?

— Петрович уже два года как обходится без шеи. Ему он точно не понадобится.

— Убедил.

Глава 4. Сделка

Фич закрепил воротник вокруг моей шеи и затылка. Металл лёг на кожу холодно и неприятно, но шум в голове действительно стал тише. Не исчез, но словно отодвинулся на задний план.

- Встать сможешь?
- Смотря для чего.
- Чтобы проверить, способен ли ты уйти отсюда, когда за тобой придут.
- Ты всегда так деликатно мотивируешь своих пациентов?
- Только самых любимых, Грош. Только самых любимых...

Пацан рядом фыркнул. Фич метнул в него короткий взгляд, и мальчишка снова стал серьёзным. Я сел, на этот раз медленно и осторожно. Мир не перевернулся, а лишь вежливо поставил меня в известность, что держится из чистой любезности. Ноги коснулись холодного пола. Пальцы на руках мелко дрожали. На запястье мигнул браслет, но это был не мой серый канал. Новый пинг. Системный.

[АРБИТР / ВОЗВРАТНЫЙ ПРОТОКОЛ]

Событие: обнаружено несанкционированное изъятие исполнительного контура.

Объект возврата: исполнительный нейроконтур.

Фактический носитель: Егор Рудин.

Статус носителя: временный, не защищённый полноценной регистрацией.

Возвратный протокол: активирован.

Третья сторона: назначена автоматически.

Вероятная функция третьей стороны: захват, доставка или медицинская стабилизация до извлечения.

Вывод: спор перестал быть внутренним сбоем контура и передан во внешний исполнительный канал.

Фич прочитать этого не мог, но по моему лицу всё понял.

- Что там?
- Кажется, что за мной отправили кого-то ещё.
- Тех же белых?
- Нет. Третью сторону.
- Это лучше или хуже?

Я хотел ответить, но не успел. На стенном мониторе, который обычно транслировал очередь на зарядку и прогноз отключений энергии, картинка моргнула. Реклама Маяка на секунду сменилась пустым серым экраном, а затем на нём появилась фотография. Женщина лет тридцати, с тёмными волосами, гладко зачёсанными назад. Лицо спокойное, предельно собранное, без рекламной мягкости и глянца, которыми корпорации любят прикрывать нож, прежде чем ткнуть им тебя в печень и там провернуть. Одета она была в тёмную бронеткань без каких-либо логотипов. Взгляд её был устремлён не в камеру, а как будто сквозь неё.

Под фотографией появилась строка:

[ОЛИМП / ИСПОЛНИТЕЛЬ ВОЗВРАТА]

Субъект: Корвин Лада.

Допуск: кризисный возврат активов.

Контракт: активен.

Цель контракта: исполнительный контур / фактический носитель.

Требование к результату: вернуть актив в состоянии, пригодном к извлечению и проверке.

Статус носителя в рамках контракта: сопутствующий объект перемещения.

Вывод: Лада действует не как случайный охотник, а как назначенный исполнитель закрытого возвратного канала.

Через мгновение экран снова показывал рекламу. Фич медленно повернулся ко мне.

— Это кто вообще такая?

— Судя по моему новому другу в голове, — сказал я, — это человек, который сейчас придёт и объяснит мне, что я — чья-то собственность.

— Как она далеко?

Я прислушался к чужой тишине в затылке. Никакой карты, никакого направления. Только короткая и до ужаса бесполезная системная отметка:

[АРБИТР / СЛЕД МЕДИЦИНСКОЙ ТОЧКИ]

Объект поиска: клиника, где выполнялась стабилизация носителя.

Статус следа: возможен.

Причина: контакт с исполнительным контуром оставил сервисную и медицинскую отметку.

Риск: помещение Филиппа Бармина может быть связано с маршрутом носителя.

Вывод: укрытие перестаёт быть укрытием после первой записи в чужом журнале.

— Не знаю, — ответил я. — Но клиника, похоже, засветилась.

Фич обвёл взглядом свою каморку. Стойку, холодильник с биогелем, шкаф с портами, пацана с кабелем и, наконец, меня, но в его взгляде не было паники, только холодный расчёт. Что можно унести, что придётся бросить, что спрятать, кого успеть вывести. Я слишком хорошо знал этот взгляд. Так смотрят те, кто уже столько раз в своей жизни выбирали между плохим и очень плохим, что уже успел привыкнуть к этому.

— Вставай, — сказал он.

— Фич...

— Вставай. Если эта Корвин придёт сюда, она найдёт не только тебя, но и всё то, чем я здесь занимаюсь. И всех, кому я завтра должен ставить руки обратно на место.

Я встал. Ноги подломились почти сразу. Фич успел подхватить меня под локоть, а пацан, бросив кабель, подставил плечо с другой стороны. Мелкий был костлявый, но держался крепко. Видимо, семейный долг качает мышцы не хуже, чем элитный спортзал.

На экране дополненной реальности снова вспыхнула строка:

[АРБИТР / ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВРЕМЕННОГО НОСИТЕЛЯ]

Фактический носитель: Егор Рудин.

Статус: временный носитель.

Основание: исполнительный контур находится внутри тела носителя и поддерживает связь через порт.

Ограничение: временный статус не даёт права владения и не отменяет возвратный протокол.

Фактический вывод: Егор важен системе не как человек, а как текущее место хранения спорного актива.

Я посмотрел на неё и вдруг с омерзением понял самую гадкую вещь. Ещё вчера я был Грош. Ремонтник, курьер, человек с плохим глазом и долгами размером с районную лужу. А сегодня система уже придумала для меня новое, удобное слово. Носитель. Я не владелец и не человек, даже. Не пациент, нет, ни в коем случае, а носитель. Слово было аккуратное, юридически выверенное и достаточно чистое, чтобы им можно было без брезгливости подтереть себе задницу в сортире.

— Ну что, Грош? — поинтересовался Фич, внимательно меня оценивая. — Ты сам пойдёшь или мне тебя по частям катить?

— Сам... — выдохнул я.

— Уверен?

— Нет. Но по частям выйдет дороже.

Фич безрадостно усмехнулся. В этот момент за тонкой дверью клиники кто-то остановился. Шаги были лёгкие, принадлежавшие одному человеку. Снаружи дождь стекал по металлической обшивке, вддали гудел Котельный проезд, ругались грузчики, и на фоне всего этого привычного шума тишина перед нашей дверью стала неестественно ровной и напряжённой.

Фич погасил лампу. Клиника махом провалилась в густой полумрак. В моей голове Арбитр вывел новую, последнюю строку:

[АРБИТР / ОБНАРУЖЕНИЕ ВОЗВРАТНОГО АКТИВА]

Возвратный актив: обнаружен.

Тип актива: исполнительный нейроконтур.

Местоположение: тело фактического носителя.

Текущий риск: внешний исполнитель может войти в точку стабилизации.

Ограничение: полная защита носителя не активна.

Вывод: контур подтверждает опасность, но не обещает спасения.

Я уставился на дверь. За ней женский голос спокойно и отчётливо произнёс:

— Егор Рудин. Я знаю, что вы внутри. Откройте.

Голос был низкий, ровный и абсолютно лишённый не только злости, но и эмоций вообще. Так, наверное, и звучит настоящая беда, когда она приходит оформить документы.

Фич благоразумно воздержался от бесполезных расспросов о том, что именно нам теперь надлежит делать. В сущности, именно эта редкая способность не сотрясать воздух лишний раз и служила главной причиной того, что старый подпольный хирург до сих пор коптил небо в этом проклятом районе. Здесь, в Садовой, любой человек, который в критический момент начинает задавать правильные, но совершенно несвоевременные вопросы, обычно довольно быстро расстаётся с жизнью, оставляя после себя разве что хорошую репутацию. Фич всегда предпочитал сначала шевелить конечностями, потом щедро осыпать окружающих проклятиями, и только в самом конце, при условии, что участники забега всё ещё способны самостоятельно дышать, разбираться в первопричинах произошедшего.

За входной дверью терпеливо ожидала Лада Корвин. Там не было привычных для зачистки белых корпоративных дождевиков, базарного шума и не предвиделось никакого дешевого движняка.

Мой слух уловил только один голос. Ровный и пугающе спокойный.

— Егор Рудин. Откройте немедленно.

После того, как Фич погасил основную лампу, и подпольная клиника мгновенно превратилась в хаотичный набор тёмных углов, тусклых бликов на медицинском металле и россыпи красных точек от дежурных индикаторов аппаратуры. Щуплый пацан с Сенного рынка намертво застыл у стойки, вцепившись побелевшими пальцами в толстый силовой кабель так, словно этот кусок резины и меди действительно мог защитить его от стоящей за дверью жен-

щины. Я стоял совсем рядом с операционным столом, судорожно держался за его прохладный металлический край и изо всех сил пытался выглядеть тем, кто способен хотя бы упасть в нужную сторону без посторонней помощи.

Получалось откровенно средненько.

Где-то глубоко в моей голове имплантированный Арбитр хранил гробовое молчание. Этот кусок дорогого железа явно пытался изобразить, что не имеет ни малейшего отношения к надвигающейся катастрофе, демонстрируя классическую корпоративную позицию абсолютного невмешательства.

— Откройте добровольно, — произнесла Лада всё тем же невозмутимым тоном. — Я пришла сюда совершенно не из-за вашей клиники.

Фич беззвучно поднял руку и показал мне два раскрытых пальца, а затем выразительно ткнул ими вниз.

Аварийный люк.

Я послушно опустил взгляд на щербатый пол у дальнего шкафа с медикаментами. Там, под слоем въевшейся грязи и ржавой металлической пластиной, скрывался замаскированный спуск в старые сервисные коммуникации. Я лично помогал Фичу отчищать этот проход около полугодика назад, когда в клинику внезапно нагрянули дотошные проверяющие из корпорации Маяк и очень настойчиво хотели обнаружить неучтённую хирургическую стойку. В тот памятный день старый люк надёжно спас и саму стойку, и краденый холодильник с биогелем, и ценную репутацию подпольного хирурга, у которого можно получить только банальные перевязки поверхностных ран.

Теперь же этому люку предстояло спасти мою собственную голову. Это, конечно, нельзя было назвать полноценным повышением по службе, но направление движения казалось предельно понятным.

— Вы меня прекрасно слышите, — голос Лады ни на децибел не прибавил в громкости. — У меня на руках официальный контракт на возврат исполнительного контура. Если вы откроете замки сами, эта клиника гарантированно не попадёт в итоговый протокол.

Фич медленно повернул ко мне своё осунувшееся лицо.

Вот именно это предложение стало по-настоящему неприятным моментом. Сделка прозвучала до отвращения честно. Лада не кричала о том, что они собираются всех перебить, или что мы горько пожалеем о своём упрямстве. Это была нормальная, рабочая корпоративная сделка. Отдай чужую дорогую вещь, и твоя убогая подпольная богадельня так и останется незаметной нишей без официальной вывески, а не превратится в жирный пункт ликвидационного отчёта.

Совершенно очевидно, что грамотные сделки гораздо опаснее прямых угроз. У открытой угрозы хотя бы чётко видны хищные зубы.

— Она блефует? — едва слышно прошептал Фич.

Я перевёл напряжённый взгляд на запертую дверь.

Тихие слова Лады всё ещё висели в спёртом тёмном воздухе помещения, когда Арбитр внутри моего черепа внезапно ожил и вывел прямо поверх железной створки сухую информационную строку.

[ОЛИМП / КОНТРАКТ ВОЗВРАТА]

Контракт возврата: активен.

Объект: исполнительный контур.

Сопутствующий носитель: Егор Рудин.

Допустимое повреждение носителя: возможно до предела, не мешающего извлечению контура.

Запрет: повреждение головы, порта или тканей, критичных для сохранности нейроузла.

Фактическое значение: тело носителя защищено только как упаковка дорогого актива.

Вывод: сохранность человека не является целью протокола. Целью является сохранность возвращаемого имущества.

Я почувствовал, как лёгкие сжались, и медленно, с усилием выдохнул скопившийся воздух.

— Не полностью.

— Это нужно понимать как да или как нет? — Фич не сводил с меня глаз.

— Это означает, что если я сейчас останусь здесь, твою клинику, вполне возможно, действительно не тронут. Но лично меня они разберут на запчасти...

В дальнем углу испуганно сглотнул пацан.

Фич кивнул, воспринимая информацию настолько обыденно, словно я только что сообщил ему не о неизбежности собственного вскрытия, а о надвигающемся дожде.

— Тогда немедленно лезь вниз.

— Филипп Бармин... — неожиданно произнесла Лада с той стороны преграды.

Старый хирург мгновенно замер на месте.

— ...Ваша медицинская лицензия аннулирована ровно восемь лет назад. На охлаждающей стойке висит огромный долг. В морозильной камере хранится биогель без обязательной корпоративной маркировки. Прямо на операционном столе лежит пациент с неучтённым кибернетическим модулем. Мне следует продолжать этот занимательный список?

Я осторожно покосился на Фича. Он широко улыбнулся. Это был исключительно плохой знак. Старик позволял себе подобные улыбки исключительно в те редкие моменты, когда планировал совершить нечто, в корне противоречащее клятве Гиппократу.

— Продолжайте на здоровье, — громко крикнул он в сторону двери. — Мои дорогие пациенты всегда предпочитают полный спектр услуг.

С этими словами он размахнулся и с силой швырнул прямо в дверь тяжёлый хирургический магнит. Металлическая болванка с оглушительным треском врезалась в старую распределительную электропанель, закреплённую рядом с замком. Панель жалобно взвизгнула снопом синих искр, массивная створка коротко и судорожно дёрнулась, после чего весь передний охранный контур клиники благополучно ушёл в глухую аварийную блокировку. Разумеется, это не могло длиться вечно. На подобные кустарные фокусы любая нормальная корпорация давно устанавливала дублирующую защиту. Однако логово Фича было собрано из откровенного старья, ворованных запчастей и искренней, неподдельной ненависти к любым инспекциям, и порой эта гремучая смесь функционировала гораздо надёжнее официальных лицензий.

— Люк открывай, живо! — яростно рявкнул Фич.

Я попытался мгновенно сорваться с места, но глагол «сорвался» категорически не подходил к моему текущему физическому состоянию. Скорее, я обидно и тяжело пошёл вперёд, попытался перейти на бег и тут же с горечью осознал, что изношенное тело яростно протестует против малейшего ускорения. Затылок болезненно пульсировал в такт ударам сердца. Вживлённый воротник неумолимо тянул шею вниз, словно свинцовый ошейник. Мои ноги казались набитыми ватой, и каждая отдельная мышца беззвучно задавала сознанию один и тот же вопрос о целесообразности нашего дальнейшего участия в этом сомнительном проекте по выживанию.

Перепуганный пацан уже изо всех сил тянул край ржавой пластины. Металл упорно не поддавался. Фич подошёл к нему на помощь вторым, с силой пнул застрявшее крепление тяжёлым ботинком, и неподатливое железо наконец с влажным, омерзительным чавканьем поднялось вверх.

Из открывшегося провала пахнуло смесью застоявшегося пара, густой плесени и той неприглядной городской историей, которую компетентные службы так и не удосужились убрать просто по причине отсутствия соответствующей строки в годовом бюджете.

За заблокированной дверью клиники что-то тихо и методично шёлкнуло. Лада не пыталась вынести створку грубой силой. Она начала планомерно разбирать электронный замок. Работала аккуратно и устрашающе профессионально. От понимания этого факта по моей спине пробежал ледяной озноб, гораздо более пробирающий, чем сырость из открытого подпола.

— Ты спускаешься первым, — скомандовал Фич.

— Я всю свою сознательную жизнь мечтал о том, чтобы меня провожали в вонючий подвал с таким почтением.

— Мечтай сколько влезет, только быстрее шевели костями.

Я ухватился за холодные металлические скобы и полез во мрак. Лестница оказалась невероятно узкой, покрытой скользкой слизью и явно спроектированной инженерами, которыми чужие переломанные кости всегда считались приемлемым расходным материалом. На третьей проржавевшей ступени мой ботинок предательски соскользнул. Я с силой приложился плечом о влажную бетонную стену, рефлекторно проглотил рвущуюся наружу ругань пополам с болью, поскольку на подобные сантименты у меня совершенно не оставалось драгоценного времени, и тяжело спрыгнул на дно сервисного хода.

Следом за мной лёгкой тенью спрыгнул пацан, а спустя секунду приземлился сам Фич.

— Ты тоже решил пойти с нами? — слегка удивился я.

— Я только покажу тебе первый поворот, а потом сразу вернусь наверх.

— Она же прекрасно знает, что это твоя клиника.

— Именно поэтому, если я сейчас исчезну вместе с тобой, она педантично разберёт там всё аппаратуру вплоть до водопроводных труб. Если же я поднимусь обратно злым, раздражённым и без пропавшего пациента, есть небольшой шанс, что корпоративная дама ограничится исключительно устными нотациями.

— Иногда ты проявляешь совершенно нездоровую веру в человечество.

— В человечество я давно не верю. А вот в неповоротливую бюрократию огромных организаций верую свято.

Хирург с усилием захлопнул люк над нашими головами, провернул тугой механический замок на внутренней стороне и шёлкнул кнопкой ручного фонаря. Тонкий луч желтоватого света выхватил из темноты уходящий вдаль тоннель.

Мы оказались в самом сердце Котельного проезда, точнее, в том его месте, куда никогда не спускались те наивные люди, что любили путать официальное название с гниющими кишками инфраструктуры. Настоящий Котельный шумел наверху, где располагались легальные мастерские, широкие грузовые ворота, сама клиника, где шёл вечный кислотный дождь и люди таскали тяжёлые ящики, попутно ремонтируя чужие искалеченные тела. А здесь тянулась внутренняя, сокрытая от глаз сервисная кишка старого жилого блока. В ней царила удушливая сырость, вдоль обшарпанных стен змеились толстые трубы, искрились провода в самодельных пластиковых кожухах, а на переборках всё ещё виднелась старая маркировка Маяка, которую местные обитатели безуспешно пытались закрасить.

Нормальный цивилизованный город обычно старается спрятать подобные злачные места глубоко под землю и забыть об их существовании. А вот Садовая активно живёт ими и дышит.

— В какую сторону нам двигаться? — спросил я, разглядывая ржавые потёки на своде.

Фич направил дрожащий луч света прямо в глубину коридора.

— Иди прямо до развилки. Левая ветка поведёт тебя к старому отработанному коллектору, а правая утыкается аккурат в грузовой вход корпорации Маяк. Тебе нужно свернуть налево.

— В чём принципиальная проблема Маяка?

— В том, что ты физически несёшь в собственном затылке шуковину, за которой сюда и прислали команду возврата активов. Идти к Маяку в твоём положении — это всё равно что пытаться спрятаться от проливного дождя, нырнув с головой в бочку с дерьмом.

Глава 5. Лада

Довод прозвучал исключительно справедливо.

Где-то далеко над нашими головами раздался глухой, но отчётливый удар, но взрывом это не было. Очевидно, многострадальную дверь клиники наконец-то вскрыли или попросили открыться с максимальной убедительностью.

Стоящий рядом пацан мгновенно побледнел.

— Она теперь спустится сюда за нами?

— Если она действительно умна, — произнёс Фич, — то немедленно не полезет.

— А она умная?

Мы с хирургом обменялись выразительными взглядами. Правильный ответ казался до боли очевидным и предельно неприятным для нашего будущего.

Фич порылся в своих бездонных карманах и сунул мне в ладонь увесистый фонарик, небольшую пластиковую ампулу с медицинским охлаждающим гелем и засаленную старую карту, чудом отпечатанную на пожелтевшей водостойкой плёнке.

— Не вздумай слепо верить этой бумажке. Техники Маяка после прошлогоднего локального ремонта намертво перекрыли две крупные секции. Если пойдёшь и почувствуешь отчётливый запах горелой резины — знай, что это не выход наружу, это работает система фильтрации воздуха. Если уловишь гул массивных вентиляторов — не включай героя и уходи, там расположен силовой вход периметра.

— А существует ли на этой прекрасной схеме хороший, безопасный маршрут?

— Даже, не надейся.

— Обожаю получать настолько подробные и обнадёживающие инструкции. Ты оптимист, прям...

Фич протянул руку, крепко прижал широкую ладонь к моему затылочному воротнику и заботливо проверил надёжность металлического крепления плоти и нейроузла.

— Если всё это железо внутри начнёт критически греться, выдавливаешь охлаждающий гель и втираешь его ровно под левый край. Смотри не попади прямо в коммуникационный порт. Только рядом, на кожу.

— А если устройство начнёт греться ещё сильнее и плавить мне мозги?

— Тогда постарайся падать на пол так, чтобы случайно не разбить голову.

— Скажи, почему ты сегодня проявляешь такие чудеса отцовской заботы?

— Потому что именно сегодня ты обходишься мне особенно дорого.

Он явно хотел добавить что-то ещё, возможно, некое напутствие, но промолчал. Вместо слов он просто тяжело толкнул меня кулаком в плечо.

— Всё. Уходи.

Пацан внезапно сделал шаг вперёд и сунул мне в свободную руку нечто маленькое и склизкое на ощупь. Я опустил взгляд и узнал дешёвый одноразовый фильтр для имплантированной лёгочной сетки. Тот самый, что недавно лежал у него на медицинском лотке.

— Зачем мне эта дрянь?

— Там глубоко много технической пыли и едкого пара.

— У меня отродясь не было вшитой лёгочной сетки.

— Ну так рот-то у тебя есть, дыши им через фильтр.

Этот аргумент оказался ничуть не хуже доводов самого Фича. Я кивнул в знак благодарности, брезгливо зажал пластиковый фильтр между зубов и зашагал во мрак.

Предстоящие первые двадцать метров пути я одолел почти в нормальном ритме. Затем бетонный пол тоннеля начал ощутимо забирать вверх, и моё жалкое «почти» скоростно

скончалось. Ноющие рёбра отдавались болью при каждом вдохе, спрятанный в затылке порт стремительно набирал температуру, а фонарь мелкой дрожью трясся в моей ослабевшей руке. Каждая встречная лужа словно задалась целью непременно стянуть с меня ботинок, а каждая низко висящая труба норовила проломить мне череп. За спиной раздавались удаляющиеся шаги Фича и пацана — они возвращались обратно к спасительному люку, и звук их поступи становился всё тише.

А затем мой воспалённый слух уловил совершенно иной звук.

Мерный, безупречно ровный ритм. Походка всего одного целеустремлённого человека.

Значит, Лада Корвин всё-таки обнаружила скрытый ход вниз. Было бы странно, если бы она его не нашла.

Я попытался заставить себя ускориться, и непослушное тело тут же доходчиво напомнило мне, что за подобное ускорение придётся дорого заплатить. Перед внутренним взором угрожающе вспыхнула красная системная строка Арбитра.

[АРБИТР / ПЕРЕГРЕВ ПОРТА]

Проверяемый узел: затылочный порт носителя.

Текущий перегрев: 41%.

Причина: активная работа исполнительного контура через бюджетный порт Г-17/МУН.

Риск: боль, сбой зрения, ухудшение координации.

Вывод: продолжение бега повышает вероятность отказа порта.

— Да видел я, не слепой, — прогундел я сквозь стиснутый фильтр.

[АРБИТР / МЕДИЦИНСКАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ]

Рекомендация: немедленно снизить физическую нагрузку.

Основание: перегрев порта и нестабильность носителя.

Статус рекомендации: носитель может игнорировать, но риск будет записан как принятый.

Вывод: система фиксирует опасность, не прекращая процедуру преследования.

— Пришли эту чёртову рекомендацию ей, а не мне.

[АРБИТР / КАНАЛ СВЯЗИ]

Канал связи: недоступен.

Причина: отсутствие устойчивой внешней регистрации и повреждение маршрута связи.

Последствие: носитель не может запросить помощь через штатный канал.

Вывод: контур видит долги и риски, но не предоставляет нормальной связи с живыми людьми.

— Бесплезная, переоценённая высокотехнологичная дерьмовая дрянь...

Изгиб тоннеля наконец-то вывел меня к обещанной развилке. Согласно замасленной карте в моём кармане, левая ветка уходила к старому заброшенному коллектору, а правая упиралась в грузовой пропускной пункт Маяка. Реальность, по доброй традиции Садовой, оказалась куда менее радужной, чем планировалось. Левая ветвь оказалась наглухо перекрыта мощной стальной решёткой, на которой красовалась совершенно новая корпоративная пломба. Правый же коридор угрожающе вибрировал гулом мощных магистральных вентиляторов. Прямо между этими двумя сомнительными альтернативами болтался на проводе давно погасший аварийный указатель, показывавший стрелкой в бетонный пол.

Я осторожно приблизился к преграждающей путь решётке.

Свежая электронная пломба корпорации Маяк. Она не была установлена прямо вчера, но и старой её назвать язык не поворачивался. На гладком пластике отчётливо читалась стандартная служебная маркировка об обязательной консервации потенциально опасного участка. В переводе с их стерильного корпоративного языка на нормальный человеческий это означало, что они наглухо заварили проход исключительно ради того, чтобы не нести никакой юридической ответственности за тех неудачников, кто рискнет там подохнуть, но самую локацию на публичных картах заботливо оставили, поскольку масштабное обновление навигационных баз стоит приличных денег.

Далеко за спиной, в густой темноте тоннеля, отчётливо щёлкнул переключатель тактического фонаря. Яркий луч света безошибочно выхватил мою фигуру из полумрака.

Я даже не попытался обернуться.

— Егор, — спокойно позвала Лада меня.

Она подобралась пугающе близко. Очевидно, её превосходные искусственные лёгкие работали без сбоев, дорогостоящие тактические ботинки не скользили на слизи, а укреплённый позвоночник стоил значительно дороже всего медицинского оборудования в клинике Фича. Её голос даже не думал сбиваться от быстрого шага.

— Настоятельно рекомендую вам не пытаться бежать.

— Я всего лишь иду прогулочным шагом.

— Вы серьёзно ранены, Егор.

— Какая удивительная наблюдательность с вашей стороны...

— Интегрированный в ваш затылок модуль прямо сейчас критически перегревает физический порт. Ровно через десять минут вы неминуемо потеряете сознание от болевого шока. Через двадцать минут начнётся необратимый отёк мозговых тканей. А если вы всё же попытаетесь сунуться в вентиляционный вход Маяка, вас просто сварит бьющим оттуда раскалённым паром.

Я всё-таки крутнулся на каблуках.

Лада замерла ровно на границе света и тени. На ней был надет тёмный комбинезон из многослойной бронеткани, влажные от дождя волосы были туго стянуты на затылке в хвост, а на лице читалось абсолютное спокойствие профессионального чистильщика. В её правой, свободно опущенной руке был зажат компактный корпоративный пистолет, снабжённый специальной клинической насадкой. Эта штука предназначалась не для того, чтобы убивать на месте, а чтобы надёжно парализовать цель. В этом факте я не находил для себя ни капли утешения, поскольку быстрая смерть порой выглядит гораздо честнее хирургического изъятия.

— Всё это звучит как трогательная забота о моём здоровье, — с сарказмом произнёс я.

— Это объективная оценка сопутствующих рисков.

— У вас все романтические свидания начинаются с подобного протокола?

Она даже не удостоила меня ответной усмешкой, сохранив каменное выражение лица. Потрясающе неприятный в общении человек.

— Я не причиню вам ни малейшего физического вреда при условии, что вы добровольно отдадите мне исполнительный контур.

— Хочу напомнить, что он намертво вшит в мою черепную коробку.

— Я прекрасно об этом осведомлена.

— В таком случае наши трактовки понятия «отдать добровольно» кардинально расходятся.

Лада сделала бесшумный шаг в мою сторону. Оружие в её руке по-прежнему смотрело в пол, но это ровным счётом ничего не значило. Специалисты её профиля обладают достаточной квалификацией, чтобы не демонстрировать агрессию до самого момента выстрела.

Внутри моей головы Арбитр поспешно развернул поверх фигуры женщины каскад ярких системных строк.

[АРБИТР / СТАТУС ИСПОЛНИТЕЛЯ]

Субъект: Корвин Лада.

Роль: внешний специалист по кризисному возврату активов.

Служебный доступ: частично отозван корпорацией.

Установленный имплант: «Серафим», спинной боевой блок.

Медицинский статус: закрыт для чтения.

Связь с текущим событием: субъект преследует носителя, но не полностью открыт собственному заказчику.

Риск субъекта: любое отклонение от приказа может быть расценено как самостоятельное вмешательство.

Вывод: исполнитель опасен, но не является полностью прозрачным элементом корпоративного контура.

Она вдруг резко вскинула голову, словно почувствовав сканирование.

— Что конкретно вы сейчас предприняли?

— Кажется, я просто внимательно посмотрел в вашу сторону.

— Используя какой-то интерфейс?

— Очень хотел бы сам получить ответ на этот животрепещущий вопрос.

Впервые за всё время нашего знакомства на её безупречном лице дрогнул мускул. Это был отнюдь не страх и даже не банальное удивление. Скорее машинальная, холодная проверка новых вводных. Она начала рассматривать не меня в целом, а методично изучать мой левый глаз, вживлённый металлический воротник и линию затылка со спрятанным портом. Прожженный корпоративный профессионал только что увидел перед собой не просто загнанного в угол беглеца с кустарными имплантами, а фундаментальную, не поддающуюся логике ошибку в отработанной схеме возврата.

— Этот контур технологически не способен формировать ответные пакеты внешнему носителю, — произнесла она поразительно тихо, словно размышляя вслух.

— Будьте любезны передать эту информацию самому контуру. Видимо, у меня в голове поселился крайне плохо воспитанный кусок железа.

Лада плавным и пугающе экономным движением подняла ствол пистолета, взяв на прицел моё плечо.

— Немедленно опуститесь на колени. Егор, двигайтесь максимально медленно и без резких рывков.

Я перевёл задумчивый взгляд на монолитную решётку за своей спиной. Затем посмотрел на гудящий правый туннель, перемалывающий воздух мощными лопастями промышленных вентиляторов. Затем снова вернул фокус внимания на Ладу Корвин. Передо мной вырисовывались ровно три весьма неприглядных варианта действий. Первый предполагал покорную капитуляцию с последующим хирургическим вскрытием черепа. Второй обещал мучительную смерть от удушья в клубах раскалённого пара. А вот третий план в нормальной, размеренной жизни квалифицировался бы как первостатейный идиотизм, однако здесь, в подземельях Садовой, подобная тактика часто скрывалась за обнадеживающей формулировкой «мы ещё посмотрим, кто кого».

Мой внутренний Арбитр неожиданно, без всякого приказа с моей стороны, жёстко дёрнул моё зрение, сфокусировав его на запертой решётке. Прямо на поверхности корпоративной пломбы налился светом многослойный блок текста.

[МАЯК / АВАРИЙНЫЙ ДОСТУП ЗАКРЫТОЙ ЗОНЫ]

Связанный договор: «Маяк» / котельный блок.

Категория лица: несанкционированный медицинский пациент с лицензированным сервисным имплантом.

Аварийный доступ: сохранён и активен.

Причина активации: высокий юридический риск гибели носителя сервисного импланта на территории закрытой зоны.

Владелец зоны: оператор инфраструктуры.

Риск оператора: смерть носителя создаёт претензию по безопасности объекта и страховым журналам.

Вывод: дверь открывается не из милосердия, а потому что смерть бедного пациента неудобно оформлять.

Я неверяще перечитал это всплывшее сообщение. Пробежал глазами по буквам первый раз. Затем медленно перечитал второй. И внезапно осознал, что почти начинаю искренне любить эти пресловутые юридические соглашения с их мелким шрифтом. Разумеется, не все поголовно. Для того, чтобы воспылать всеобъемлющей страстью к бумаготворчеству юристов, мне потребовалось бы получить травму головы гораздо более серьёзную, чем светило сейчас. Но конкретно этот выданный системой пункт выглядел таким же прекрасным спасением, как неожиданный бесплатный ужин в разгар голода.

— Что конкретно вы там высматриваете? — голос Лады стал жёстче.

— Ищу своё полное законное право подохнуть в каком-нибудь другом, более приятном месте.

— Уберите руки и не смейте трогать пломбу.

— Осмелюсь поинтересоваться, почему именно?

— Потому что тогда я буду вынуждена в вас выстрелить.

— Вам строго-настрого запрещено стрелять мне голову.

Палец женщины, уже лежащий на спусковом крючке парализатора, дрогнул и на какую-то неуловимую долю секунды замер неподвижно.

Я попал в точку. И дело было вовсе не в моей исключительной проницательности. Просто в базовом корпоративном контракте на возврат ценных активов чёрным по белому прописывалось категорическое требование не допускать никаких повреждений черепной коробки носителя. Те парни в белых дождевиках, с которыми я столкнулся ранее, уже успели просветить меня на этот счёт. Лада Корвин просто отработывала более деликатную, но всё ту же протокольную версию изначального приказа начальства.

— Разумеется, но я вполне способна выстрелить вам ногу, — парировала она, чеканя слова.

— Это приемлемый риск.

Я с размаху обрушил ладонь прямо на гладкий пластик защитной пломбы. Раздался хлопок, но абсолютно ничего не произошло. Створка осталась стоять монолитом. Весьма драматично, ничего не скажешь.

Лада сделала ещё один уверенный шаг вперёд, опасно сокращая дистанцию.

— Егор...

— Секунду терпения, я прямо сейчас нахожусь в процессе собственного юридически обоснованного самоубийства.

Арбитр невозмутимо выдал мне в ответ очередную красную строку.

[МАЯК / УСЛОВИЕ АВАРИЙНОГО ДОСТУПА]

Для получения доступа требуется осознанное подтверждение пациента.

Проверяемый пациент: Егор Рудин.

Проблема: пациент находится в зоне риска и не имеет безопасного времени на штатную процедуру.

Ограничение: без подтверждения оператор может списать доступ как несанкционированный.

Вывод: даже аварийный выход требует от умирающего человека правильной юридической позы.

— Я, чёрт возьми, стократно подтверждаю это! — выкрикнул я хриплым эхом.

[МАЯК / ОТКАЗ ПО НЕДОСТАТКУ ДАННЫХ]

Статус процедуры: недостаточно аргументированных данных.

Недостающие данные: подтверждение пациента, риск гибели, связь с лицензированным сервисным имплантом.

Фактическое значение: опасность существует, но ещё не оформлена достаточно удобно для оператора.

Доступное действие: усилить запрос ссылкой на ответственность зоны.

— Чтоб вы все там сгорели в аду со своей бюрократией.

Корпоративная дама находилась уже на расстоянии вытянутой руки от моей спины.

Я отчаянно рванул воротник свободной рукой, не глядя размазал остатки ледяного геля из ампулы по разгорячённой коже у левого края нейропорта и снова изо всей оставшейся дури припечатал кровоточащую ладонь к поверхности упрямой пломбы. Пронзительная, ослепляющая боль стальной иглой пронзила неподвижную шею, отдалась в левом глазу и застучала в стиснутых зубах. Очертания влажного тоннеля мгновенно выцвели, заливаясь нестерпимой белизной перегрузки. А где-то в недрах моего черепа невидимый Арбитр распахнул не спасительную дверь, а инициировал ожесточенный протокольный спор с автоматикой замка.

[МАЯК / ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ АВАРИЙНОЕ РЕШЕНИЕ]

Фактический носитель сервисного импланта находится в зоне техногенного риска.

Запрошенное действие: предоставление аварийного выхода.

Стандартная схема: не даёт доступа без подтверждения пациента и достаточного пакета данных.

Собранные аргументы: риск гибели, лицензированный имплант, закрытая зона, ответственность оператора.

Юридическое последствие отказа: многократное повышение ответственности оператора перед советом директоров.

Решение: аварийный доступ предоставляется принудительно в обход стандартной схемы.

Вывод: система спасает носителя только потому, что его смерть дороже, чем нарушение процедуры.

Тяжёлая решётка издала сухой, лязгающий щелчок. Она не распахнулась полностью на петлях. Всего лишь милостиво отпустила хватку верхнего магнитного замка, образовав небольшую щель.

Но этого крошечного зазора оказалось вполне достаточно для того, чтобы я с силой всего падающего тела врезался плечом в податливый металл.

Разрядный хлопок пистолета Лады слился в единый звук с моим отчаянным рывком. Горячий, обжигающий укол тупой боли мгновенно прошил мой левый бок. Это явно была не классическая пуля, прорывающая плоть, а мощный парализующий дротик или сфокусирован-

ный шоковый импульс. Левая нога практически сразу отнялась, превратившись в бесполезный, бесчувственный кусок чужого мяса.

Тем не менее набранная инерция не позволила мне замереть на месте, и я кубарем полетел вперёд. Мне чудом удалось протиснуться в образовавшуюся под приоткрытой створкой щель, после чего я тяжело и с размаху рухнул лицом на мокрый залитый ледяной жижей прямоугольник бетона уже по ту сторону спасительной преграды.

— Стой! — это короткое слово разорвало тишину тоннеля.

И вот теперь в её срывавшемся голосе действительно проклюнулось нечто живое и неподдельное. Это была даже не профессиональная злость упустившего добычу охотника. Это звенела откровенная тревога. Я почти рассмеялся сквозь боль, подумав, что она испугалась за меня. Какая трогательная и вместе с тем нелепая мысль. Разумеется, она боялась за бесценный корпоративный модуль, который мог повредиться при моём падении.

Глава 6. Погоня

Я пополз вперёд по ледяному крошеву старого бетона, судорожно цепляясь за него пальцами, будто от этого зависело не только моё равновесие, но и весь остаток моей жалкой жизни. Кожа на ладонях и коленях уже была основательно содрана, острые крошки бетона врезались в мясо, холод жёг ничуть не хуже огня, однако мозг, перегретый, наполовину ослепший от красных системных вспышек, всё ещё держался за одну простую команду. Вперёд. Ещё метр. Ещё на ладонь. Ещё попытка не сдохнуть посреди подземной кишки, куда нормальные люди не суются даже за очень приличные деньги.

Потом я всё-таки заставил тело принять вертикальное положение. Просто упёрся правой рукой в стену, сполз плечом по мокрому бетону, поймал равновесие там, где его уже не осталось, и кое-как вытолкнул себя вверх, чувствуя, как внутри что-то противно проваливается от каждого лишнего движения. Левая нога, принявшая основной удар парализатора, держаться отказалась окончательно. Стоило мне попробовать перенести на неё вес, как ступня безвольно подворачивалась, колено уходило в сторону, а бедро отвечало тупым онемением. Пришлось волочить её за собой, опираясь на правую сторону и стараясь не думать о том, что следующая потеря равновесия может стать последней.

Простреленный бок саднило так, будто под рёбра мне не жалея плеснули промышленной кислоты. Боль шла волной, въедалась глубже при каждом вдохе, иногда отпускала на полсекунды, чтобы я успел поверить в чудо, а потом снова вгрызалась в меня с таким старанием, что хотелось заорать в сырой бетон. Повреждённый интерфейсный порт на затылке плавился от вычислительной перегрузки. Жар от него бил в череп пульсирующими толчками, густыми и тяжёлыми, словно кто-то раз за разом вливал мне под кожу раскалённый свинец.

И всё же между мной и Ладой наконец-то оказалась решётка.

Массивная железная решётка намертво заела на половине хода в ржавых направляющих, перекосилась, заскрежетала, застряла и тем самым сделала для меня больше добра, чем все социальные службы Садовой вместе взятые. Сквозь узкие щели она, конечно, видела меня почти прекрасно, однако прицельно стрелять уже не могла без риска попасть мне в голову, а добивать моё тело до состояния обугленной туши в её задачу явно не входило. Если бы вместе с моими мозгами сгорел дорогостоящий корпоративный контур, вся беготня по подземельям мигом потеряла бы коммерческий смысл, а в нашем чудесном мире коммерческий смысл ценился заметно выше человеческой жизни.

Впервые за всю долгую, безумную ночь у моей беспросветной нищеты появились переговорные позиции.

Сильными их назвать язык бы не повернулся даже у очень наглого юриста, однако это были именно позиции, отвоёванные потом, кровью, содранной кожей и остатками нервных клеток, сгоревших где-то в моей башке. Но я ещё дышал и двигался. Самое главное, меня пока нельзя было просто пристрелить, запаковать и сдать на приёмку, как повреждённый, но ценный товар. А для человека моего социального статуса это уже почти победа.

Коридор за решёткой оказался ниже прежних уровней и заметно старше. Потолок давил на плечи, стены выполнены грубыми бетонными плитами, по швам которых ползла чёрная мокрая плесень, а воздух стоял плотной, тяжёлой завесой и, кажется, вообще забыл, что обязан хоть иногда двигаться. Я вдохнул через рот и тут же пожалел, потому что вонь гниющего ила, человеческих испражнений и многолетней влажной ржавчины всё равно пролезла внутрь, осела на языке и вызвала приступ тошноты. Впереди, в густой черноте, тяжело и монотонно шумела падающая вода. Это уже был не технологический коллектор для кабелей, а сливная станция.

На официальных схемах такие места обычно называют «техническим водоотводом», и я даже представлял себе людей, которые это формулировали. Сытые, чистые, с тёплым светом над рабочими местами и с полной уверенностью, что никто из них никогда не окажется внизу, по колено в нечистотах. Обычные люди, вроде меня, называли подобные места проще. Непролазная грязь, в которую можно свалиться, после чего твоё раздувшееся тело найдут не сразу. Если станут искать безымянного бродягу вообще.

Левая нога окончательно вышла из игры, и я потащил её по склизкому бетону, перенося вес на правую сторону и вцепляясь пальцами в толстые связки коммуникационных кабелей, змеившихся вдоль стены. Кабели были мокрыми, шероховатыми, местами липкими от старой изоляционной смолы. Только эта хватка удерживала меня от того, чтобы рухнуть лицом в зловонную жижу под ботинками, а потом уже не подняться.

Лада, как и следовало ожидать от первоклассного корпоративного ликвидатора, не исчезла и не передумала. Она действительно не могла пролезть под застрявшей решёткой, потому что тактическая бронеткань укрупняла формы, да и гордость, наверное, не позволяла ползти за мной по грязи. Зато у неё имелись инструменты, навыки и пугающая методичность, с которой такие как она вскрывают не только аварийные пломбы, но и чужие черепа.

Позади раздалась сухие шелчки. Игла шупа специализированного дешифратора мерзко скребла металл, вгрызалось в замок, замирало, потом снова начинало свою аккуратную работу. Ни одного лишнего движения или сорванного усилия. За моей спиной работала машина по возврату активов, идеальная, дорогая, обученная и почти лишённая досадного человеческого мусора, который мешает быстро принимать решения.

В голове вспыхнула информационная строка, ударив по сетчатке кислотно-красным светом.

[АРБИТР / КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕГРЕВ]

Порт носителя: Г-17/МУН.

Текущий перегрев: 67%.

Статус: критический.

Физиологический риск: сбой зрения, потеря координации, внезапная потеря сознания.

Причина: продолжительное движение при активном исполнительном контуре.

Вывод: тело носителя используется как временный кабель с превышением допустимой нагрузки.

Я зажмурился так сильно, что под веками поплыли красные пятна, и попытался прогнать рябь, хотя прекрасно понимал, что спорю сейчас не с прибором, а с собственной разваливающейся нервной системой.

— Да заткнись ты уже, я всё прекрасно понимаю, — процедил я в сырую пустоту тоннеля.

[АРБИТР / РИСК ПОТЕРИ СОЗНАНИЯ]

Пациент: Егор Рудин.

Риск внезапной потери сознания: весьма высокий.

Основание: перегрев порта, травмы, дефицит стабилизации.

Последствие: потеря сознания сделает носителя удобным объектом возврата.

Вывод: у носителя остаётся возможность двигаться, но система уже считает отказ тела ожидаемым.

— Я же сказал тебе, закрой свой цифровой рот и дай мне выжить.

[АРБИТР / РЕКОМЕНДАЦИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ]

Требуемое действие: немедленная медицинская стабилизация жизненных показателей.
Причина: перегрев порта и прогрессирующая дисфункция носителя.

Ограничение: доступная стабилизация может быть связана с контуром изъятия.

Вывод: рекомендованная помощь и угроза хирургического возврата находятся в одной системе.

Я хрипло усмехнулся, чувствуя привкус крови на разбитых губах.

— Может, ты ещё и адресок надёжной клиники поблизости скинешь, раз такой умный?

Система, не найдя в своих базах подходящего ответа на сарказм, умолкла. Возможно, глубоко оскорбилась. Возможно, просто решила, что с идиотом спорить себе дороже, или потому что идиот вот-вот сам отключится. В любом случае я остался наедине с жаром в затылке, шумом воды и Ладой, которая за моей спиной продолжала вскрывать решётку. Много времени у неё это не займёт.

Я прижался плечом к стене и пошёл дальше, оставляя на бетоне влажный кровавый след. Каждый шаг давался через отдельную маленькую сделку с телом. Я обещал ему, что сейчас остановлюсь, вот только дойду до следующей тёмной отметины на стене. Потом до кабельного узла. Потом до поворота. Тело, судя по ощущениям, мне уже не вполне принадлежало, но продолжало двигаться.

Тяжёлая поворотная дверь выросла из темноты. Я едва не врезался в неё плечом, остановился, собирая зрение в одну точку, и только тогда понял, что проход перекрыт древней переборкой. Металл на ней покоребился от возраста, буро проржавел, местами вздулся хлопьями, а посередине торчало огромное круглое ручное колесо, такое нелепое в этой подземной кишке, будто его сняли с допотопной подводной лодки и вмонтировали сюда.

На двери криво висела полустёртая табличка.

[МАЯК / СЛИВНАЯ ГАЛЕРЕЯ]

Объект: сливная галерея нижнего уровня.

Право доступа: только сотрудники аварийной бригады.

Статус носителя: не сотрудник аварийной бригады.

Фактическая ситуация: носитель использует галерею для ухода от исполнителей возвратного приказа.

Риск: запись о проходе может быть квалифицирована как нарушение зоны.

Вывод: даже путь спасения заранее оформлен как чужое нарушение.

Я посмотрел на эти буквы и почти позавидовал аварийной бригаде. У неё, в отличие от меня, когда-то был доступ, должностная инструкция и, возможно, страховка. У меня же имелась только неработающая нога, дырка в боку и корпоративная железка в голове, которую очень серьёзные люди хотели получить обратно в исправном состоянии.

За спиной металл решётки взвизгнул. Звук резанул по ушам так неожиданно, что я даже вздрогнул, и сразу понял. Решётка уже сдалась. Лада преодолела последний рубеж, отделявший её от меня, и теперь между нами оставалась только моя скорость, то есть почти ничего.

Я вцепился обеими окоченевшими руками в холодный обод колеса и потянул. Пальцы скользили по мокрой ржавчине, ладони сразу вспыхнули болью, спина отозвалась острым протестом, а колесо не двинулось. Вообще. Оно сидело на оси так, будто за десятилетия бездействия стало частью самой двери и теперь имело полное моральное право презирать мои усилия.

Дёрнул колесо снова, с остервенением, и получил тот же результат. Ноль. Ржавое железо даже не хрустнуло.

Именно в этот миг меня накрыло кристально ясным пониманием, настолько обидным, что от него хотелось смеяться в голос и биться лбом о переборку. Все прекрасные юридиче-

ские лазейки, корпоративные противоречия, спорные статусы носителя и прочие замечательные подарки высокого права хороши ровно до той секунды, пока у тебя хватает банальной физической силы провернуть заржавевшее колесо на двери к свободе. Нет силы, нет свободы. Спасибо, мир, за очередной бесплатный урок.

Лада подошла на расстояние метров десяти почти бесшумно. Она остановилась на этой безопасной дистанции. Парализатор больше не смотрел прямо в меня, воронённый ствол был опущен к полу, но рука охотницы оставалась обманчиво расслабленной, нечего и думать, она готова вскинуть оружие быстрее, чем я успел бы моргнуть.

Я впервые успел разглядеть её лицо. Гладкое, словно выточенное из искусственного мрамора, слишком спокойное и правильное, с одной тонкой морщинкой между бровями. Эта морщинка раздражающе выбивалась из всего её образа. Она доказывала, что внутри дорогого корпоративного инструмента всё-таки что-то хмурится, считает и сомневается.

— Егор, внимательно послушайте меня, — сказала Лада, и в её голосе прорезалась незнакомая нота. — Если вы сейчас потеряете сознание, я физически не успею провести необходимые протоколы по стабилизации температуры порта.

Я криво ухмыльнулся, хотя от этого тут же дёрнуло разбитую губу.

— Чтобы вы потом спокойно вырезали этот кусок железа из моего мёртвого тела в луже мочи?

— Подобные операции произвожу не я, — сухо ответила она, не меняя позы.

— Вы всерьёз думаете, что такая кадровая деталь должна меня успокоить и сподвигнуть на сотрудничество?

— Это необходимо понимать ради точности формулировок.

Фраза была настолько странной в устах человека, который гнал меня по вонючим подземельям с парализатором наперевес, что я на секунду даже забыл о колесе. Головорезы в белых дождевиках, с которыми мне раньше довелось общаться, говорили иначе. Они чеканили слова, как судебный протокол, выученный наизусть, и в каждом их звуке слышалось удобное отсутствие личного мнения. Лада же сейчас говорила как живой человек, который когда-то приложил огромные усилия, чтобы выжечь в себе всё человеческое, оставить от личности один исполнительный алгоритм и всё равно не справился до конца. Крошечные осколки продолжали скрести изнутри. Они и делали эту тонкую морщинку между бровями.

Я снова дёрнул колесо.

Боль вспыхнула в ладонях, плечо чуть не выскочило из сустава, а результат остался прежним. Дверь не шелохнулась. Лада замерла за моей спиной.

— Немедленно передайте мне доступ, покажите весь внутренний код импланта, — потребовала она, делая полшага вперёд.

— Какого чёрта вам это вообще нужно? — выдохнул я, не отпуская колесо, потому что оно хотя бы давало рукам занятие.

— Ваш внутренний идентификационный код контура. Я видела реакцию корпоративной пломбы на сопряжение, а такой защитный алгоритм невозможен для рядового украденного внешнего носителя. У него нет прав такого уровня.

— Интересно, а для какого носителя такие фокусы в принципе возможны? — огрызнулся я.

Она пропустила вопрос мимо ушей и просто смотрела на меня. Молча. Плотно. Так, словно пыталась просканировать не затылок, а дырку в судьбе, через которую я ухитрился провалиться в чужие корпоративные тайны.

Прекрасно. Выходило, сегодняшняя ночная беготня по подземным катакомбам стала познавательной не только для меня.

Арбитр вмешался без предупреждения.

Между нами прямо в воздухе вспыхнули строки дополненной реальности, и я сразу понял, что на этот раз вижу их не один. Взгляд Лады резко сфокусировался на пустом, казалось бы, пространстве в паре дюймов от моего залитого потом лица, а рука с парализатором чуть заметно изменила угол.

[АРБИТР / АВАРИЙНАЯ ПРОВЕРКА ПРАВ]

Фактический зарегистрированный носитель: Егор Рудин.

Текущий статус: временный пациент и носитель до окончательной процедуры проверки.

Объект проверки: принудительное хирургическое изъятие исполнительного контура.

Состояние процедуры: возможна по возвратному приказу, но не завершена по правам живого носителя.

Юридический статус изъятия до завершения регистрации: крайне спорный.

Причина спора: контур является возвратным активом, но расположен внутри живого тела с подтверждаемым сознанием.

Доступное действие: искать форму заявления носителя, способ живого скана или внешний нотариальный узел.

Лада успела прочитать всё.

Может быть, она не уловила всего юридического смысла пакета, потому что такие формулировки специально пишут люди, которым платят за способность хоронить смысл под слоем стерильных слов. Зато основное дошло до неё сразу. Палец её правой руки медленно сполз со спускового крючка парализатора.

Она подарила мне одну секунду.

В обычной жизни секунда стоит примерно... Ничего она не стоит. Здесь, в тёмных лабиринтах Садовой, одна вовремя подаренная секунда обходила дорожку элитной квартиры, оформленной на чистое имя. Я ударил напряжённым правым плечом в торчащее колесо, навалился всем весом, едва не вывихнул кисть, когда ладонь поехала по мокрому металлу, и почувствовал, как оно наконец-то дрогнуло.

Дверь сдвинулась.

Скрип разорвал воздух и вместе с ним изнутри ударила волна мокрого холода. Гул воды стал оглушительным, как будто за переборкой не просто текла сливная галерея, а подземная река, много лет терпеливо ожидавшая, когда в неё швырнут очередного идиота.

Лада могла выстрелить мне в ногу во время этого неуклюжего рывка. Дистанция была идеальной, угол подходящий, а я двигался медленно, как списанный грузовой дрон на последнем аккумуляторе. Но она не выстрелила, а я не стал дожидаться, пока охотница передумает, и нырнул в проём.

Ледяная грязная вода сразу захлестнула ботинки до щиколоток и обожгла кожу сквозь мокрую ткань. Левая нога тут же решила, что с неё на сегодня достаточно подвигов, предательски подогнулась в колене, и я едва не ушёл лицом прямо в пенящийся поток. Спас самый примитивный животный инстинкт. Я мёртвой хваткой ухватился за скользкую чугунную трубу вдоль стены, перебирая руками, я сделал ещё несколько спотыкающихся шагов вглубь галереи.

Потом развернулся и захлопнул за собой дверь.

На внутренней стороне переборки не оказалось замочного механизма. Даже примитивного засова не было. Я провёл ладонью по металлу, нащупал только ржавые швы, мокрые заклёпки и гладкие следы старой краски. Запираться было нечем, а тем кто ставил эту дверь — незачем. Впрочем, это уже не имело никакого значения абсолютно, потому что сквозь толщу двери я отчётливо слышал дыхание Лады. Она стояла по другую сторону преграды, неподвижная, близкая, живая, и почему-то не пыталась выбить дверь плечом.

Чего она ждала, я не понимал.

Несколько ударов сердца я прижимался щекой к ледяной трубе, пытался удержать тело вертикально и ловил воздух ртом, потому что нос забивала вонь стоков. Потом голос Лады, глухой и слегка искажённый металлом, пробился сквозь вентиляционную решётку под потолком.

— Слушайте внимательно, Егор. Если вам удастся выйти в основной коллектор, держитесь правой стороны стены. Левая секция там до сих пор под высоким напряжением.

Я замер.

Горячая щека прилипла к холодной трубе, и на секунду боль и жар в затылке отступили на шаг, оставив передо мной одну странную, криво торчащую мысль. Она предупредила меня. Лада, корпоративная охотница, только что подсказала беглой туше, куда не соваться, чтобы её не поджарило током.

Глава 7. Соль

— Эта информация, — проговорил я, выдавливая слова сквозь зубы, — это очередное проявление личной заботы или способ вывести меня ровно в ту точку маршрута, где вам будет удобнее всего меня подобрать?

Пауза растянулась. Внизу шумела вода, по стене дрожала труба, в затылке бился перегретый порт.

— Да, — ответила она.

Коротко, честно и очень неприятно.

Я втянул влажный воздух, собираясь бросить в ответ что-нибудь подходящее, едкое и по возможности бессмысленно гордое, но именно в эту долю секунды на внутренней стороне зрения вспыхнул новый информационный пакет. Он пришёл без запроса. И это был не Арбитр, обитавший в моём черепе, его я кое-как уже научился отличать. Инфопакет свалился откуда-то сверху, из холодных, чистых и недостижимых слоёв, где принимаются жёсткие корпоративные решения.

Пакет ощущался как приказ, обрушившийся на нас с Ладой всей массой. От его приоритета порт в затылке на секунду словно сжался, и я почти физически почувствовал, как имплант где-то внутри меня пытается стать меньше.

[ОЛИМП / ОБНОВЛЕНИЕ ВОЗВРАТНОГО ПРИКАЗА]

Исходный возвратный приказ: оперативно обновлён.

Текущий объект: исполнительный контур внутри живого носителя.

Первичная задача исполнителей: сохранить жизнедеятельность объекта до успешного хирургического извлечения.

Статус носителя до извлечения: полезен как среда сохранения контура.

Дополнительная директива после извлечения: жизненный статус бывшего носителя юридически и физически несущественен.

Вывод: протокол различает сохранность контура и сохранность человека. После извлечения человек исчезает из цели процедуры.

Идеально...

Безупречной конкретике этих формулировок можно было только позавидовать. Приказ даже не пачкал себя грубыми словами вроде «убить» или «ликвидировать». Зачем? Статус биологической единицы признан юридически и физически несущественным, и дальше каждый грамотный исполнитель сам поймёт, в какой контейнер складывать остатки. Расшифровка не требуется. Я всегда искренне любил сухой язык документов. Корпоративная машина владела искусством лишать жизни так, чтобы причастный юрист мог перечитать текст перед сном, улыбнуться и не почувствовать ни малейшего дискомфорта.

По ту сторону двери стало совсем тихо.

Лада не шевельнулась, не выругалась, даже не выдала себя шорохом. Я не знал, видела ли она свежий приказ своими аугментированными глазами, однако давящее молчание у входа говорило достаточно ясно. Охотница поняла, что моя жизнь только что официально обесценилась до нуля. До извлечения меня следовало сохранить. После извлечения я превращался в расходный биоматериал с плохим прошлым и отсутствующим будущим.

Вода плескалась под ботинками, забирая остатки тепла. Порт на затылке продолжал полыхать так, будто решил выжечь из головы последние связные мысли и превратить мозг в яичницу. Простреленная нога постепенно переходила от острой боли к тупой деревянной

немоте, и в этом тоже не было ничего хорошего. Когда тело перестаёт жаловаться, оно часто просто готовится выключиться.

— Выражаю глубокую признательность за ценный совет, — сказал я в темноту, прекрасно понимая, что Лада всё ещё стоит за дверью и слушает.

Ответа не последовало.

Я оттолкнулся от трубы и пошёл дальше, потому что другого маршрута у меня не оставалось. Одна нога, которая работала через раз.

К Сенному рынку я вышел через сливную галерею, обрушенный старый коллектор и чужой арендованный подвал, доверху забитый штабелями сушёной рыбы.

Последнее препятствие оказалось хуже коллектора.

Коллектор хотя бы вонял тем, чем являлся по сути, нечистотами, ржавой водой и застарелой сыростью. Подвал же пытался совместить в себе едкий дух гниющей рыбы, плесень по углам, дешёвый хлорный дезинфектор и коммерческую уверенность владельцев, что человек в здравом уме действительно купит товар, несколько суток лежавший на этом складе. Я пробирался между штабелями, цеплялся плечом за мокрые ящики, один раз едва не рухнул на мешок с вялеными хвостами и окончательно понял, что если выживу, то некоторое время буду рыбу есть не смогу.

Наружу я выбрался через заднюю покосившуюся дверь лавки.

Тучная хозяйка в заляпанном чешуёй фартуке не удивилась. Она вообще не сделала ничего, что можно было бы назвать удивлением. Просто окинула тяжёлым взглядом мой порванный воротник, мокрые штаны, кровь у виска, задержалась на моей хромоте и вернулась к своему товару. Любопытно, много лет живёт рядом с Сенным рынком прекрасно понимал, что жизнь чужого человека редко окупает лишний вопрос.

— Выход через магазин, — меланхолично сказала она.

Я привалился плечом к косяку, потому что без этой доски мог осесть на пол прямо между ящиками.

— Сколько?

— Для тебя? Пятьдесят кредитов...

— Это плата за проход через дверь?

— Нет. За моё молчание, парень.

Я порылся в отсыревших карманах, вытащил последние смятые купюры и отдал ей. Пальцы слушались плохо, бумага липла к коже. Потом я посмотрел на хозяйку, на её равнодушное лицо, на руки, спокойно перебирающие рыбу, и передумал. Хороший, правильный человек. Не задаёт лишних вопросов, и ладно.

Сенный рынок жил обычной суетливой жизнью, словно минувшей ночью не навещали оперативники в белых дождевиках. Это было главное и самое ценное свойство Сенного. Он умел забывать трагедии быстрее, чем кровь успевала окончательно высохнуть на асфальте. Хорошая память мешала торговле, а торговля здесь считалась разновидностью климата, власти и религии одновременно, хотя последнюю часть я всегда предпочитал пропускать.

Если вчера в одном проходе кого-то насмерть ударили мощным разрядом, сегодня на том же выжженном пятне предприимчивые дельцы продавали шокеры с десятипроцентной скидкой. Если ночью убили влиятельного посредника, к утру освобождался удачный контейнер, и пропавший курьер уже никого не волновал, потому что арендная плата за место под навесом капала без выходных. Рынок переваривал мёртвых так же буднично, как тухлую рыбу, поддельные батареи и украденные импланты.

Моросящий дождь стал мелким и колючим. Он висел в воздухе серой взвесью, забирался под воротник, стекал по экранирующему ошейнику Фича и заставлял порт на затылке ныть. Мой Арбитр молчал, и я уже почти начал скучать по тем минутам, когда он хотя бы выводил плохие новости красным шрифтом. Молчание дорогой железки, вживлённой прямо в мозг,

нервирует сильнее её панического голоса. Очень похоже на поведение человека с безграничной властью, который вдруг перестал объяснять, почему ты должен лечь лицом вниз на грязный асфальт.

Мои текущие задачи сводились к трём пунктам, и выбирать что-то нужно непременно. Сначала надо было не потерять сознание посреди рынка, потому что человек, падающий в грязь с дорогой железкой в голове, мгновенно превращается в совместный проект всех местных стервятников. Потом требовалось найти специалиста, достаточно отчаянного, чтобы снять модуль и не превратить мою голову в открытое пособие по анатомии. И ещё нужно было не продать себя раньше, чем я пойму собственную цену. Как показывает практика Садовой, именно последний пункт обычно и ломает людям шею.

Я держался края рынка, где торговали не синтетической едой, а вещами, которым лучше никогда не встречаться с официальной комиссией по сертификации. Слева угрюмые подростки перебирали ворованные батарейные ячейки и делали вид, что занимаются мелким ремонтом. Справа подозрительный тип с имплантами перепрошивал дешёвые глазные линзы, держа их пинцетом над старым нагревателем. Дальше, под выцветшим синим тентом, сидел древний старик, который за умеренные деньги менял серийные номера на боевых протезах и сразу забывал клиентов с такой скоростью, какую в приличном обществе назвали бы профессиональной этикой.

Над рядами прыгали рекламные голограммы. Половина транслировалась официально, половина была взломана так нагло, что даже я, человек далёкий от сетевого искусства, чувствовал в этом определённую дерзкую красоту. Одна иллюзия сладким синтетическим голосом обещала премиальную семейную страховку от корпорации «Олимп», а вторая, наложенная поверх неё жирным красным шрифтом, сообщала: «СЕМЬЯ В БАЗОВЫЙ КОМПЛЕКТ НЕ ВХОДИТ».

Почерк был узнаваемый. Соль Литке работала совсем рядом.

Лично я с ней знаком не был, зато в трущобах Садовой совсем не обязательно пересекаться с человеком лицом к лицу, чтобы иметь перед ним долг, бояться его услуг или испытывать глухое раздражение от его бурной деятельности. Соль взламывала корпоративные рекламные купола с таким изяществом, что многомиллионные кампании на две или три минуты начинали транслировать болезненную правду. Иногда это выглядело красиво. Иногда обходилось заказчикам слишком дорого. Однажды из-за её вмешательства целый жилой район сутки любовался надписью «ВАШЕ ТЕЛО УЖЕ В МУСОРНОЙ КОРЗИНЕ», потому что Соль ошиблась с размером шрифта и не смогла вовремя убрать кнопку оплаты с интерфейса. В тот раз люди смеялись. Потом, естественно, начали проверять свои медицинские долги.

Мне сейчас была нужна именно такая масштабная неприятность, граничащая с чудом. Очень желательно на моей стороне.

Первый подпольный мастер по имплантам отказал быстро и предсказуемо. Он сидел в тесной вонючей будке, криво собранной из старых промышленных холодильных панелей, держал во рту электронную сигарету и неспешно снимал блокировку с чужой кисти. Кисть лежала на столе отдельно от законного владельца, а владелец нервно переминался с ноги на ногу снаружи и старался не смотреть на собственные пальцы.

— Нейромодуль? — мастер прищурился сквозь сизый пар и оглядел меня, как мясник оглядывает кусок, уже начавший портиться. — Внешний обвес или глубоко в голове?

— Если бы он был внешним, я бы не припёрся к тебе в таком виде, — огрызнулся я и вытер пот со лба рукавом.

— Логично. Повернись спиной, покажи порт.

Я повернулся. Мужчина поднял портативный сканер, провёл им над воротником, и прибор не успел даже нормально пискнуть, когда мастер бросил его на стол.

— Нет...

— Ты даже цену не назвал.

— Потому что моя цена не включает мою собственную скорую смерть.

— У тебя такая дорогая жизнь?

— Очень дорогая, парень. Я к ней слишком привык за эти годы.

Он наклонился ближе.

— Кто тебе это поставил? — спросил он почти шёпотом.

— Долгая и очень грустная история...

— Сократи до сути.

— Железка сделала всё сама.

Мастер глубоко затынулся синтетическим паром и посмотрел на меня почти с отеческой жалостью. Такой жалостью обычно провожают покойника.

— Тогда иди прямой дорогой к местному священнику.

— У нас на районе священник тоже берёт солидную предоплату за отпевание, — хмыкнул я.

— Тогда шагай сразу к моргу, так дешевле выйдет.

Второй мастер попытался просканировать мой затылок через старый военный экран. Прибор протестующе пискнул, моргнул, навсегда погас и выпустил тонкую струйку дыма. Мужчина нервно сглотнул, заявил, что это досадное совпадение, а потом попросил меня убраться.

Третий специалист вообще не открыл дверь. За тонким металлом щёлкнул засов, кто-то поспешно выключил свет, и я остался снаружи, под дождём, с собственной хромотой и растущим пониманием, что слухи по рынку распространяются куда быстрее моего печального шарканья.

Через двадцать минут половина Сенного уже знала, что между рядами бродит помятый парень с баснословно дорогим модулем в голове. Через двадцать пять минут шепотки уточнили, что модуль активирован, исправен и агрессивно ищет сеть. Спустя полчаса легенда обросла подробностями, согласно которым я голыми руками разорвал троих корпоративных бойцов, выкрал стратегический искинт и теперь ищу покупателя на прямой доступ к совету директоров. Услышав это со стороны, я бы сам себя купил. Если бы не знал, какая я отвратительная и капризная сволочь в повседневной эксплуатации.

Нога онемела и стала совсем деревянной, слушалась через раз, а порт под воротником нагрелся до границы, когда кожа ещё не получает ожоги, зато организм уже мысленно собирает медицинские документы для оформления инвалидности. Я свернул к заляпанному жиром лотку с дешёвой едой и взял огромный пластиковый стакан лапши без намёка на мясо. Желудок сжался в тошнотный кулак, но я заставил себя стоять ровно. Живому человеку надо есть. Даже если этот живой человек похож на неудачный эксперимент по утилизации мокрых тряпок.

Продавщица с выцветшими глазами посмотрела на меня, перевела взгляд на порванный воротник, задержалась на запёкшейся крови и мокрой куртке.

— Острый бульон наливать? — хрипло спросила она.

— Давай самый дешёвый.

— В моём меню это один и тот же пункт.

Она щедро плеснула кипятка, сунула мне хлипкую пластиковую вилку и даже не стала спрашивать, почему рука дрожит так, что жидкость выплёскивается на стол. В суровой реальности Сенного подобное равнодушие называлось сервисом премиум-класса. Я сделал первый обжигающий глоток пересолёного варева, почувствовал, как горячая жидкость согревает горло, и почти поверил, что ещё отношусь к роду человеческому, а не к ходячим контейнерам для корпоративного имущества.

На третьем глотке рядом со мной на шаткую скамью тяжело опустился Тихон Мурашов.

Он возник из толпы так естественно, будто сидел здесь с утра, просто рынок до поры прятал его от моего взгляда. Тихона в нашем районе не зовут в гости, если потом не хотят долго объяснять властям, почему в размеренной жизни появились серые контрабандные маршруты, левые паспорта, старые долги и люди с очень плохой памятью на собственные имена. Он был сухой, длинный, постоянно затянутый в старый кожаный плащ с бездонными карманами, куда, по слухам, легко помещались крупнокалиберный пистолет, пачка поддельных документов и маленькая моральная катастрофа для окружающих. Лицо у него всегда оставалось спокойным, а взгляд принадлежал человеку, который не верит первому предложению собеседника и редко доверяет второму.

— Здорово, Грош, — сказал он надтреснутым голосом, глядя не на меня.

— Здорово, Мурашов, — буркнул я и продолжил жевать резиновую лапшу.

— Чертовски плохо выглядишь...

— Новый писк моды с верхних этажей, — ответил я, дуя на кипяток. — Стиль называется «сразу после процедуры дознания».

Тихон скользнул взглядом по моему парящему воротнику и отвернулся.

— За тебя спрашивают серьезные люди, Грош...

— Всегда приятно оставаться популярным в родном районе.

Он хмыкнул.

— Не то слово. Популярных артистов хотят видеть на сцене, но ты нужен в безраздельное физическое владение.

— Есть разница в упаковке товара?

— Только в итоговом состоянии твоей тушки.

Я опустил вилку в стакан и почувствовал, как солёный бульон встал поперёк пересохшего горла.

— Им нужно, чтобы я был живым?

— Одним обязательно. Другим хватит аккуратно отделённой от тела головы.

Рынок вокруг продолжал шуметь, торговаться, грязно ругаться, жарить прогорклое масло в глубоких воках и делать вид, что нас двоих здесь не существует. Сенной прекрасно умел уважать чужую беду до той секунды, пока не брызнет свежей кровью на товар и не отпугнёт покупателей.

— А кто спрашивает? — Я повернул голову к Тихону и уставился в его спокойный профиль.

Он едва заметно улыбнулся одними краями тонких губ.

— В основном все крысы, которые уже краем уха слышали сумму награды. Кто выставил цифру на доску, пока не видно даже в глубокой сети.

— Сколько дают за мою шкуру?

Тихон назвал сумму тихо, без нажима, и от этого впечатление оказалось ещё сокрушительнее. У меня потемнело в глазах, а лапша в стакане вдруг стала выглядеть как последняя разумная покупка в моей жизни.

— Даже обидно слышать...

— Считаешь, мало?

— Думаю, что абсурдно много. Я физически столько не стою, даже если распродать меня на органы по завышенному прайсу.

Глава 8. В будке

— Запомни, никто не платит такие деньги за тебя, Грош. Платят за железо, которое сейчас жарит твой мозг.

Уточнение было точным и своевременным. На душе от него стало только ещё более мерзко.

— Мне нужен толковый человек, который рискнёт снять этот имплант.

— Тебе сейчас попадётся только предприимчивый человек, который вырвет его с мясом из твоего затылка или возьмёт аванс и тут же продаст твой маршрут охотникам за головами.

— Ты предлагаешь свои услуги?

— Я предлагаю тебе, Грош, не врезать дуба у всех на глазах посреди улицы. Это плохо сказывается на объёмах торговли.

Мурашов едва заметно кивнул в сторону северного ряда, забитого людьми, тентами, проводами и чужими сделками.

— Теперь иди к Соль...

— Я думал, хакерша Соль это городская легенда.

— В Садовой всё начинается как слух, а потом превращается в неоплатные долги.

— А Соль сможет снять эту дрянь?

— Она хотя бы честно скажет, можно ли её снять с тебя живого. Возьмёт непомерно дорого, а хамить будет бесплатно. Так что, не тяни. Двигай костями.

— Звучит как характеристика идеального профильного специалиста, — вздохнул я и отодвинул стакан с недоеденной лапшой.

Тихон поднялся плавно, без лишней суеты, уже сливаясь с серыми тенями навесов.

— И ещё совет, Грош. Если решишь рвать когти из города через мои коридоры, плати вперёд.

— Даже сейчас? Когда твой одноклассник в таком дерьмовом положении?

Тхон снова хмыкнул. На этот раз веселее.

— Особенно сейчас, Грош. Особенно сейчас. Если за человеком бесплатно бегают серьёзные вооружённые люди, это не выглядит успешным началом для общения на некоммерческой основе. Смекаешь?

Я смекнул, а он растворился в толпе так быстро, словно его здесь не было. Через секунду на его месте уже стоял чумазый мальчишка с тяжёлым подносом самодельных батарейных переходников и надрывался, обещая скидку тем, кто не задаёт лишних вопросов.

Я залпом допил обжигающий бульон. Подыхать на пустой желудок было бы слишком... Слишком по-студенчески. Потом поднялся, поймал равновесие, удержался за край стола и пошёл к северному ряду, волоча левую ногу.

Соль Литке нашлась совсем не в палатке, и это было ожидаемо. Обычная будка для неё выглядела бы слишком примитивным решением. Она устроила логово внутри гигантского сломанного рекламного куба, который раньше крутил пафосные ролики корпорации «Олимп», а теперь транслировал вперемешку свежую рыбу, женские сапоги, курс падения жетонов и пульсирующую надпись «НЕ ВЛЕЗАЙ ВНУТРЬ, ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ ЧТОБЫ ВСЕ УЗНАЛИ ВСЮ ПРАВДУ О ТВОЕЙ КРЕДИТНОЙ ИСТОРИИ».

Внутри аппаратной части куба было тесно, душно и тепло. Пространство оказалось плотно забитым переплетёнными связками проводов, старыми платами, маленькими вентиляторами и кусками экранной ткани. Соль сидела на перевёрнутом пластиковом ящике, закутанная в безразмерный свитер с прожжённым сигаретами воротом. Коротко стриженные светлые волосы торчали во все стороны, воспалённые красные глаза говорили о том, что она давно

решила, что физиологический сон является системным багом, не заслуживающим потраченного времени.

Она подняла на меня тяжёлый немигающий взгляд.

— Нет...

Я замер на пороге, держась за край проёма.

— Но я ещё ничего не успел сказать.

— У тебя крупным шрифтом на лице написано: «Срочно снимите с меня дорогой имплант, денег нет. Иначе мне отстреляют задницу, но зато я очень смешной парень».

— Почти угадала. Деньги у меня немного есть.

— Тогда твоя вступительная фраза звучит ещё трагичнее.

Я со сдавленным стоном присел на несущий металлический швеллер её логова. Сидеть на жёстком было больно и неудобно, но стоять на подгибающихся ногах оказалось во сто крат хуже. На секунду я задумался, что выбирать между двумя и более разновидностями боли мне за ночь уже порядком поднадоело.

— Серьёзные люди на рынке сказали, что ты можешь посмотреть мою проблему.

Соль фыркнула.

— Это Тихон-то серьёзный... Ладно... Посмотреть могу. Снимать точно его не стану.

— Ты ведь даже не видела, что у меня там прицепилось.

— Зато я хорошо вижу, что на рынке происходит. Серьёзные люди, которые умеют снимать сложные импланты, уже дружно сделали вид, что умерли от анального инсульта. Значит, твоя штука слишком горячая, слишком дорогая или слишком очевидно чья-то.

— Совпали все три пункта, — только и оставалось мрачно признать мне.

Соль заметно оживилась.

— Ну, наконец-то нормальный проблемный клиент! Как же долго я тебя ждала! Повернись спиной...

— Если ты сейчас тоже скажешь «нет», пожалуй, я начну брать деньги за просмотры.

— Если я скажу «нет», ты заплатишь полную таксу за диагностику.

— Я не ослышался? Ты предлагаешь мне оплатить отказ?

— Не предлагаю, настаиваю. И не обычный отказ, а высококачественный, аргументированный отказ уникального специалиста.

Она достала из-под свитера гибкий плоский сканер, похожий на кусок плотной чёрной ткани, усеянный микроконтактами. Двигалась она ловко и без лишней суеты, как тот, кто много раз работал там, где ошибка стоит дороже пальца. Сканер прошёл над моим воротником, даже не коснувшись воспалённой кожи. Сначала он мигнул спокойным синим, потом зелёным, а затем вывел на крошечный экран такую густую красную сетку ошибок, что даже я без профильного образования понял, что в этой ситуации хорошо будет только продавцам гробов.

Соль перестала улыбаться.

— Кто тебе это вставил? — спросила она жёстким и предельно сухим тоном.

— Оно вставилось само, без моего желания и разрешения.

— Я сейчас серьёзно спрашиваю, Грош.

— Так я тебе тоже отвечаю совершенно серьёзно, к моему огромному сожалению.

Она провела сканером ещё раз, медленнее и осторожнее. Внутри моей пульсирующей головы Арбитр недовольно зашевелился, и меня накрыл приступ тошноты. Сканер в руках Соль истошно пискнул, а на внешней стенке куба на секунду погасла реклама сушёной рыбы, сменившись белым шумом.

— Ого... — восхищённо выдохнула она.

— Это медицинское «ого» или финансовое?

— Скорее протяжное «если я продолжу сканировать, у меня к чертям стгорит дорогой прибор, а у тебя, возможно, закипит головной мозг и часть центральной системы».

— Твой прибор настолько дорогой?

— Да уж подороже твоей куртки вместе с ботинками и клиники Фича...

— Тогда давай остановимся. Куртку мне ещё носить и носить, а ботинки просто дороги, как память о хороших временах.

Соль аккуратно отложила сканер в сторону, но взгляд от моего затылка не убрала.

— Снять это дерьмо, не убив при этом тебя, нельзя, Грош.

Я кивнул.

Странное дело, когда несколько разных людей подряд говорят тебе одно и то же, бьёт обычно последняя версия. Наверное, потому что сейчас это звучало уже не как панический страх подпольного хирурга, а как диагноз спеца, которому собственное любопытство обычно дороже безопасности.

— Поясни, пожалуйста, почему нельзя? — спросил я глухо, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Он не просто механически подключен к твоим нейроузлам. Этот паразит полностью перехватил старый порт и интегрировался в него как в родной. Сделал плохо, криво, с жутким перегревом тканей, зато теперь считает этот кусок мяса своим. Если попытаться вырезать его хирургически, он потащит за собой солидный лоскут интерфейсной мозговой ткани. Если глушить внешний сигнал, у тебя вырубится аугментированный глаз, следом откажет порт и, возможно, отключатся высшие нервные функции, такие, как дыхание, например. Если пробовать программно обмануть, он оставит такой яркий сетевой след, что корпоративные каратели даже гадать не будут где мы. Они заявятся до того, как я с тобой закончу. Я бы сказала, его проектировали для высокорангового исполнительного носителя. А ты, Грош, похож на корпоративного носителя только в том случае, если их совет директоров теперь заседает в мусорном баке за углом.

— Вот сейчас обидно было...

— На правду не обижаются, Грош. Скажи ещё, что я не права.

— Технически права, Соль, но...

— Откуда взялся твой древний порт?

— Городская партия. Серия Г-17.

Соль презрительно присвистнула.

— Муниципальная дешёвка?

— Да. Вроде того.

— Это ж дрянь редкостная.

— Мы близки к консенсусу. Корпоративная железка в моей голове думает так же.

Соль подалась вперёд, и теперь в её взгляде было уже не только профессиональное раздражение, но и интерес. Чистый, нездоровый и очень опасный такой интерес человека, перед которым на стол положили чужую проблему с редким серийным номером.

— Порты серии Г-17/МУН ставили самым дешёвым группам социальной адаптации. Базовая программная защита там дырявая как решето, зато аппаратная совместимость невероятно широкая. Делали намеренно, чтобы один копеечный разъём подходил к любому учебному мусору и городу не приходилось закупать нормальные импланты. Если элитная штукавина в панике искала не идеальный чистый порт, а широкий допуск, значит, ты не избранный корпоративный герой, а выходец из бракованной партии, на которой муниципалитет удачно сэконобил.

Я тяжело вздохнул. Это было не облегчением, но я через силу ухмыльнулся и заметил:

— Чертовски приятно узнать, что я не особенный...

— В трущобах Садовой это редкая радость, — хмыкнула в ответ Соль и потёрла глаза.

В этот момент Арбитр ожил, обжёг затылок и вывел красную строку прямо поверх бледного лица Соль.

[АРБИТР / СЕТЕВОЙ СЛЕД СУБЪЕКТА]

Субъект: Софья Литке.

Действие: несанкционированный доступ к глобальной рекламной сети.

Связанный договор: «Маяк» / серый канал отсутствует в базе.

Риск пресечения: блокировка сетевого окна.

Связь с носителем: субъект предоставляет маршрутную и информационную помощь.

Вывод: помощь Соль существует только пока серый канал не стал официально видимым.

Я попытался сморгнуть, чтобы прогнать цифровое наваждение, но Соль сразу же прищурилась.

— Ты сейчас точно что-то увидел!

— Не-не, тебе показалось...

— Врёшь ты отвратительно, Грош.

Я устало провёл языком по разбитой губе.

— Твои рекламные окна официально не оформлены. Договора в базе нет.

Она на секунду замерла, будто налетела на невидимую стену, а потом медленно улыбнулась. Улыбка вышла хищной и совершенно живой.

— Ах, вот оно что.

— Что именно?

— Ты видишь не сырое железо, а способен напрямую видеть скрытые корпоративные связи.

— Увы, пока вижу только свои огромные проблемы.

— Это одно и то же, если смотреть честно, — отрезала она и схватила планшет.

Соль быстро набрала на экране несколько команд, и рекламный куб вокруг нас протестующе дрогнул. Снаружи кто-то грязно выругался. Судя по всему, вместо обещанной рекламы дешёвых батарей ему показали нечто неприятное и, возможно, юридически полезное.

— Не трогай глобальную сеть, — предупредил я, чувствуя, как пот течёт по спине.

— Поздно. Запрос ушёл.

— Люблю людей, которые предупреждают о катастрофе после того, как нажали красную кнопку.

— Ты пришёл ко мне с боевым корпоративным имплантом в башке и требуешь аккуратности? Не дёргайся, сядь и не отвечивай.

Она вывела на внутренний экран куба несколько серых прозрачных окон. Это были не сами базы долгов и не защищённые серверы Маяка, а цифровые обводы вокруг них, поисковые запросы, пинги, следы чужих попыток заглянуть в одно и то же место сети. В центре этой светливой серой каши зловеще замигал свежий пакет данных, обведённый красным.

[ОЛИМП / ОЦЕНКА ВОЗВРАТНОГО АКТИВА]

Объект: исполнительный нейроконтур внутри носителя.

Коммерческая стоимость: высокая.

Предпочтительное состояние носителя: живой для извлечения.

Приоритет сохранности: голова / порт.

Допустимые повреждения: всё, что не мешает безопасному извлечению контура.

Вывод: жизнь носителя имеет ценность только до момента отделения актива.

— Поздравляю, Грош, — криво усмехнулась Соль. — Ты попал в элитную рассылку.

— Я там на фотке, хоть прилично выгляжу? — попытался я отшутиться сухими губами.

— Пока нет. Массив подгружается.

— Ну хоть одна за сегодня приятная новость.

Она хмыкнула, но смешок тут же оборвался. На экране вспухло новое окно, гораздо крупнее прежних, чище по структуре, с пульсирующей белой рамкой.

[ОЛИМП / ПУБЛИЧНЫЙ РОЗЫСК АКТИВА]

Категория объявления: объект срочного розыска.

Лицо: Егор Рудин, прозвище «Грош».

Сопутствующий уникальный актив: исполнительный нейроконтур.

Вознаграждение за достоверные сведения: 30 000 кредитов.

Вознаграждение за физическую доставку: 120 000 кредитов.

Требование к состоянию: голову категорически не повреждать.

Статус тела: допустимо к доставке живым, связанным, повреждённым ниже зоны порта.

Вывод: объявление превращает носителя в ходячую цену. Район получает финансовое основание предать его раньше, чем он успеет объясниться.

Подпись заказчика скрыли не полностью. Там ярко светилась официальная корпоративная печать, такая чистая и стерильная, что от одного взгляда на неё хотелось вымыть руки.

[ОЛИМП БИОНИКС / ЗАКРЫТЫЙ СЛУЖЕБНЫЙ КАНАЛ]

Тип канала: возврат активов.

Статус канала: закрытый, не предназначен для публичного просмотра.

Связь с текущим событием: по каналу распространяется розыск Егора Рудина и исполнительного контура.

Риск: сведения могут быть видны серым сетевым участникам, но не дают им права вмешательства.

Вывод: корпорация спрятала приказ, но не смогла спрятать цену.

За тонкими пластиковыми стенками укрытия что-то начало меняться.

Со стороны всё могло бы показаться почти красивым зрелищем, если бы я не понимал, что вся синхронность сейчас напрямую стоит моих внутренних органов. Сначала затих один торговый ряд. Потом тишина накрыла второй. Люди перестали глазеть на прыгающую рекламу и начали смотреть друг на друга и на будку Соль. На запястных браслетах вспыхивали входящие пинги. Кто-то в толпе нервно рассмеялся, кто-то торопливо пошёл прочь, оценив риски, а несколько человек сгруппировались так, чтобы перекрыть узкие проходы между палатками.

Сенной рынок получил мою точную цену в кредитах.

Теперь эта бурлящая масса решала, кто быстрее заберёт её себе.

Я медленно перевёл взгляд на Соль.

— Это ты вывела объявление наружу?

— Нет. Я только увидела его в сети немного раньше остальных стервятников.

— Насколько раньше?

— Секунд на десять.

— Невиданная фора по времени.

— Для умных людей хватает, — бросила она, не отрываясь от экрана.

Она сунула мне в холодную ладонь маленький потёртый сетевой жетон.

— Северный технический проход. Беги сейчас.

Я зажал жетон в кулаке.

— Почему ты мне помогаешь?

— Я тебе не помогаю, придурок. Я выгодно инвестирую ресурсы в интересную катастрофу.

— Звучит как помощь, только от неприятного человека.

— Привыкай, Грош. Приятные люди прямо сейчас считают, сколько стоит твоя отрезанная голова.

Снаружи, перекрывая нарастающий гул толпы, кто-то заорал:

— Он у Соль в будке! Держи его!

Быстро. Человеческая жадность иногда поражает чудесами эффективности.

Соль грязно выругалась сквозь зубы, щёлкнула пальцами по экрану планшета, и вся наружная голографическая реклама куба вспыхнула чистым белым светом. Не просто ярким, а ослепляющим, выжигающим сетчатку, как сварочная дуга прямо в лицо. Толпа взвыла от неожиданной боли, люди заорали, закрывая глаза руками, кто-то врезался в палатку, посыпались ящики, загремел металл.

А я сорвался с места.

Левая нога тут же попыталась сорвать мне побег, но я поймал себя на краю проёма, толкнулся плечом, вывалился из куба и рванул к северному проходу. Вокруг бил белый свет, чужие руки тянулись из слепого марева, кто-то хватал воздух в нескольких сантиметрах от моей куртки. Я продирался вперёд, не глядя по сторонам, потому что любая задержка превращала меня из беглеца в товар.

В спину с нескольких сторон ударили голоса.

— Грош! Стой, падаль!

Я даже не обернулся. Голосов было слишком много.

Сетевой жетон в потной ладони нагрелся. Узкая ржавая калитка между рядами, где раньше висела выцветшая вывеска служебного прохода, коротко щёлкнула и поддалась. За ней начинался тёмный извилистый коридор, собранный из старых грузовых контейнеров. Внутри пахло сыростью, ржавым металлом, дешёвой изоляцией и какой-то химией. Под ногами петляли силовые провода, на стенах висели крупные капли конденсата, а впереди, в темноте, слышалось тяжёлое дыхание.

Я шагнул внутрь, прекрасно понимая, что за спиной слепой рынок уже оживает и превращается в жадную свору, идущую по кровавому следу.

В раскалённой голове Арбитр деловито вывел сухую строку.

[АРБИТР / ПУБЛИЧНЫЙ РИСК НОСИТЕЛЯ]

Статус носителя: публичный риск определён.

Причина: сведения о награде и состоянии цели распространились за пределы закрытого контура.

Последствие: случайные участники рынка могут начать охоту без полного понимания процедуры.

Риск для носителя: повышен.

Вывод: Егор перестает быть скрытым беглецом и становится денежной возможностью для района.

— Большое спасибо, железяка, — прохрипел я, глотая спёртый воздух коридора. — А то я сам не заметил.

И побежал вперёд, сбивая колени в кровь и волоча ногу, пока за меня всё ещё платили немного больше живым, чем мёртвым.

Глава 9. Выключенный прицел

Вдоль узкой щели, оставленной, казалось, специально для человека с дурной осанкой и желанием не оказаться товаром, в два ряда выстроились серые, тронутые ржавчиной контейнеры с облезлыми инвентарными номерами и тяжёлыми навесными замками. Под ногами путались и хлюпали в грязи толстые кабели, обрывки пластиковых стяжек, размокший картон и ошметки упаковочной пены, а сверху по железным крышам монотонно и тоскливо стучал дождь. Позади остался Сенной рынок, но шум его уже не походил на рыночный. Там кричали не о ценах на батареи и лапшу, а, без сомнения, уже соображали как половчее поймать меня.

Сетевой жетон, оставленный Соль, неприятно жёг ладонь, хотя, разумеется, не в буквальном смысле. Маленькая пластинка из мутного, чуть прозрачного композита, зажатая в кулаке, лишь едва грелась на сгибе пальцев и каждые несколько секунд подёргивалась слабым, едва заметным импульсом, словно просила, чтобы её держали как-нибудь правильнее. Я сжал её крепче и тотчас об этом пожалел: от плеча до самого затылка, точно натянутая струна, прошёл тянущий болевой шнур, заставив меня поморщиться. Арбитр не одобрял бега, да и нога, после недавней встречи с Ладой, определённо выказывала своё недовольство. Я начинал подозревать, что моё тело в целом настроено весьма против идеи физических нагрузок.

За спиной кто-то с грохотом врезался в калитку, и металл оглушительно ударил о металл.
— Он туда ушёл!

Голос был молодой, даже слишком молодой для ремесла охотника за чужими головами, хотя здесь, на Садовой, возраст редко когда становился помехой для дурных карьерных решений. Я попробовал прибавить шаг, насколько это вообще позволяла раненая нога, однако вышло лишь жалкое подобие ускорения, на которое я был способен. В боку немилосердно колело, лёгкие с хрипом втягивали тяжёлый от влажности воздух, а горло саднило от вони старой, давно требовавшей ремонта канализации. Перед правым глазом несколько раз проплыла широкая серая полоса, после чего дешёвый имплант с небольшой задержкой вернул на место картинку и равнодушно выдал служебное предупреждение: ОПТИКА: ПЕРЕГРУЗКА. Благодарю. А я-то полагал, это такой художественный приём.

Коридор из контейнеров сворачивал вправо, а слева на стене одного из них висела потёртая табличка «СЛУЖЕБНАЯ ЗОНА. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСАПРЕЩЕН», под которой кто-то давным-давно приписал выцветшим маркером: «ПОСТОРОННИЕ ПЛАТЯТ БОЛЬШЕ». Я ткнул жетоном в чёрный, заляпанный грязью считыватель у следующей решётки, но ничего не произошло.

— Давай же, — прошипел я сквозь зубы, обращаясь к пластинке в руке. — Давай...

Жетон словно услышал меня и дёрнулся. Считыватель недовольно мигнул оранжевым, после чего решётка со скрежетом приоткрылась на ширину ладони и застряла. Ладонь, к слову сказать, у меня была самая обыкновенная, человеческая, и в такие щели обыкновенно пролезают только крысы, дети. Пришлось представить себя ребёнком... Или крысой. Я начал боком протискиваться в узкий проём, металл содрал с плеча кусок куртки, а воротник Фича больно упёрся в челюсть. Внезапно порт вспыхнул таким резким жаром, что на одно мгновение перед глазами вместо решётки замелькали чужие, казённые строки:

[СОЛЬ / СЕРЫЙ ПРОХОД]

Маршрут: северный проход.

Допуск: серый.

Оплата: не зарегистрирована.

Риск: след сетевого окна.

Значение: проход существует вне нормального договора и может быть закрыт задним числом.

Вывод: маршрут помогает носителю сейчас, но оставляет читаемый след для тех, кто умеет искать.

Соль, разумеется, оставила след. Люди, которые помогают вам совершенно бесплатно, обычно либо лгут, либо просто дурно считают, но Соль вроде бы считала быстро.

Я кое-как вывалился на другую сторону и тотчас ударился коленом о сломанный пластиковый ящик, из которого донеслось тонкое стеклянное звяканье. Сзади в решётку уже врезался первый из преследователей, и сквозь узкую щель я разглядел его лицо. Это был парень лет семнадцати, не больше, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу, и дешёвой татуировкой батарейного клана на щеке. В руке он сжимал резак для пластиковых пломб.

— Грош! Стой, говорю! Мы голову не тронем!

— Вот совсем не успокоил... — пробормотал я себе под нос.

Он просунул резак в щель и принялся ковырять замок, в то время как второй, стоявший у него за плечом, уже поднимал телефон, чтобы запечатлеть меня для своего канала. На экране на миг мелькнула моя фамилия, криво вытянутая из какой-то старой базы данных, но фотографии, к счастью, всё ещё не было. Приятная мелочь. Если тебя продают без лица, всегда остаётся надежда, что кто-нибудь по ошибке спутает тебя с другим несчастным. Я схватил тот самый ящик и с силой пнул его под решётку, отчего стекло внутри жалобно хрустнуло. Парень с резакom вздрогнул и отдернул руку.

— Ты что творишь, Грош? Там же фильтры!

— Фигильтры... — бросил я и побежал дальше. — Можешь вычесть из своей премии

За решёткой послышалась ругань, а затем снова зажужжал резак. Это означало, что минуту я себе всё-таки купил — дороже лапши, но всё ещё дешевле жизни.

Контейнерный коридор вывел меня к старому погрузочному карману, расположенному прямо под рынком. Когда-то сюда, должно быть, заезжали небольшие грузовые платформы, но теперь рельсы в полу почти полностью заросли грязью, а на стенах висели лишь слепые корпуса камер со снятыми линзами да пустые крепления. Под самым потолком жужжали три тусклые древние лампы дневного света, из которых лишь одна работала исправно, в то время как две другие только лениво моргали.

В дальнем конце кармана виднелся подъёмный шлюз, а перед ним стоял человек.

Это была не Лада.

Для Лады, для и для женщины вообще, был он слишком широк в плечах и высок. Незнакомец носил ватную куртку, а на его правой руке красовался грузовой фиксатор — такие обычно ставили те, кому по работе необходимо таскать контейнеры, руководствуясь не правилами здоровой спины, а стоимостью арендной смены. У нормального человека кисть просто держит, его же кисть могла с такой силой зажать локтевой сустав, что потом оставалось бы выбирать лишь между дорогостоящей хирургией, ампутацией или смиренной верой. Он посмотрел на меня и медленно поднял руку.

— Тихо, парень.

— Поздно. Меня уже успели прорекламирровать.

— Мне без разницы, — ровным голосом ответил он. — Сто двадцать тысяч — это сто двадцать тысяч.

Честный человек. В здешних местах это была редкость.

За спиной снова хлопнула решётка — парни всё-таки пробились. Справа, из-за контейнеров, показалась женщина с сеточным дроном на плече. Дрон был старый, очевидно, полицейская модель, перекрашенная в синий цвет, и внутри у него наверняка стояла кустар-

ная прошивка, которая различала только два режима: «можно продать» и «мешает продать». Погрузочный карман внезапно стал ощутимо меньше из-за собравшейся публики.

Тело поняло что без драки не обоёдетя, чуть быстрее головы. Ступни сами собой нащупали рельс, как опору для рывка, плечи чуть опустились, а дыхание ушло ниже, в живот. Но это была не смелость, а лишь дурная привычка драться до последнего, даже с тем что заведомо сильнее тебя, потому что бежать уже попросту некуда. Арбитр тут же вывел над головой каждого из них короткие, безжалостные строки.

[АРБИТР / СЛУЧАЙНЫЕ РИСКИ ОКРУЖЕНИЯ]

Субъект 1: мужчина с широким грузовым фиксатором. Кредит просрочен на 18 дней.

Субъект 2: женщина с дроном. Дрон снят с учёта, штраф ожидает регистрации.

Субъект 3: парень с резаком. Батарейная квота семьи: приостановка через 2 дня.

Связь с текущим событием: каждый из окружающих имеет причину обменять чужую проблему на собственную отсрочку.

Вывод: рынок опасен не злобой, а тем, что почти каждый уже висит на крючке оператора.

Прекрасно. Меня собирались сдать не какие-нибудь злодеи, а просто люди, которым завтра точно так же, как и мне, нужно было чем-то заряжать свои руки, ноги и возложенные на них надежды. От этого, впрочем, становилось ничуть не легче. Когда тебя бьют ради еды, синяк от этого не перестаёт быть настоящим.

Широкий сделал шаг в мою сторону.

Я отступил к рельсу и поднял руки, пытаюсь говорить как можно убедительнее.

— Послушай. Если ты меня сдашь, они сначала заберут модуль, потом заберут меня, а после скажут, что доставка была произведена с нарушением упаковки.

— Мне нужны деньги, а не лекция.

— Так и денег тебе тоже не дадут.

— А вот это я собираюсь проверить.

Он двинулся на меня с неожиданным проворством для своей комплекции. Фиксатор на руке со щелчком раскрылся, превратившись в хищное полукольцо. Я метнулся в сторону, но нога предательски проскользнула на мокром рельсе, и захват прошёл по куртке, выдрав из неё изрядный кусок ткани. Плечо обожгло болью.

Дрон позади меня пискнул, и сеть, распахнувшись в воздухе, устремилась ко мне.

Я упал сам, за мгновение до того, как она успела меня ударить, и колено с хрустом встретило бетонный пол. Зубы неприятно щёлкнули. Сеть пролетела у меня над головой и накрыла широкого. Он грязно выругался и дёрнул фиксатором, отчего дрон жалобно жужжал и врезался в единственную работающую лампу, которая тут же окончательно умерла.

Парень с резаком кинулся ко мне. Я схватил с пола какой-то обломок ржавой арматуры и ударил им по рельсу у самой его ноги. Металл звонко звякнул, парень сбился с шага, но не упал — молодой, лёгкий, голодный, такие редко понимают с первого раза. Он снова замахнулся резаком.

И замер.

На его груди появилась и затрепетала маленькая красная точка. А потом она так же внезапно погасла.

Тишина наступила сразу. Перестал жужжать дрон, широкий прекратил рвать сеть, а парень с резаком, кажется, понял, что точка на его груди была не рыночной игрушкой, и очень медленно опустил руку.

Лада стояла на верхней площадке бокового трапа, спускавшегося в карман. Её серый дождевик был распахнут, под ним серела тонкая, матовая бронеткань. В правой руке она держала короткий пистолет-парализатор, лишённый всякого блеска и ненужной красоты, а левой держалась за поручень. Лицо её было совершенно спокойно, волосы у виска влажно прилипли к коже. Двигалась она так, словно весь этот погрузочный карман, мокрые рельсы, трое охот-

ников и я, стоящий на коленях на бетоне, были не хаосом, а всего лишь задачей с хорошо продуманной разметкой.

Все умные люди на Садовой боятся не тех, кто злится. Злые обычно много шумят и в ругань пускают весь пар. Такие же, как Лада, экономят дыхание.

— Всем лечь, — ровно приказала она.

Широкий положил руки на голову первым — он, очевидно, умел чутко опасаться лучше остальных. Женщина с дроном медленно подняла ладони. Парень с резакон колебался на долю секунды дольше, чем ему следовало, и Лада выстрелила. Но не в него.

Она попала в крепление старого контейнерного замка над его плечом. Замок сорвался, с грохотом ударился о стену рядом с парнем, осыпав его ржавой крошкой. Парень сел на бетон без всяких дополнительных приглашений.

— Хороший мальчик... — равнодушно похвалила его Лада, и мне почему-то показалось, что слова эти предназначались не ему.

Я поднялся с колена, медленно, держа руки так, чтобы она постоянно видела мои ладони. В такой позе особенно ясно чувствуешь, как много в человеке уязвимой биологии. Пальцы дрожали, кровь сочилась из разбитого колена, и пар поднимался над защитным воротником. Хотелось опустить руки, но было нельзя. Любое резкое движение рядом с Ладой выглядело бы как срочная просьба оформить мою смерть как можно аккуратнее и быстрее.

Она спустилась на три ступени, и пистолет теперь смотрел прямо на меня. Автоприцел на её оружии мигал тонким красным лучом лазера. Через мгновение я уже сообразил, что не вижу этого глазами, это мне Арбитр подсвечивал направление возможного огня. Над оружием висела грязная, неопрятная служебная полоса:

[ОЛИМП / АКТИВНЫЙ ВОЗВРАТНЫЙ КОНТРАКТ]

Возвратный контракт: активен.

Цель: исполнительный контур.

Носитель: учитывать до извлечения.

Статус носителя: средство доставки актива к процедуре.

Риск: после передачи медицинскому контуру статус носителя будет пересмотрен.

Вывод: контракт не обещает Егору жизнь, только временную полезность.

Последняя строка рванула затылок такой резкой болью, что я невольно моргнул. Лада заметила.

— Что опять показал имплант? — спросила она.

— Что у вас весьма скучные документы.

— Не смешите меня, — сухо отозвалась она.

— Я не специально. Это такая защитная реакция.

Почему у неё выключен прицел? Так делают лишь тогда, когда прицелу не доверяют, или когда не хотят, чтобы система записала следующие действия.

Широкий, сидевший на полу, тоже это понял и чуть повернул голову к выходу. Лада даже не посмотрела в его сторону.

— Если встанете, я прострелю фиксатор. Рука у вас останется, но пользоваться ею вы сможете только после посещения клиники.

Широкий снова замер, став неподвижным. Очень убедительная женщина.

Лада спустилась ещё ниже, и теперь между нами было не больше пяти шагов. Дистанция, достаточная для того, чтобы она успела выстрелить дважды, а я лишь пожалеть о своём дурном воспитании.

— В тоннеле вы открыли маршрут, которого там быть не должно, — начала она. — Затем мой приказ обновился без всякого запроса. А после внутренний код вашего модуля отметил вас не как временного носителя. Я жду объяснений.

— Если бы я умел объяснять корпоративные чудеса, я бы не питался лапшой за восемьдесят.

— Егор...

Имя прозвучало без всякого давления, но оттого лишь хуже, прозвучало как метка в казённой форме. Я сглотнул, и горло снова царапнуло.

— Оно показывает связи, — неохотно начал я. — Долги, допуски, подписи, мелкий шрифт. Иногда открывает двери, если дверь должна была открыться по договору. Иногда пытаются сварить мне затылок. В общем, полезная вещь, почти как семейная ипотека.

— Вы управляете им?

Я коротко усмехнулся.

— Вы видели, как я бегаю?

Она даже не улыбнулась, и пистолет в её руке не дрогнул.

— Значит, не управляете.

— Я договариваюсь. Получается пока плохо.

— Покажите, что вы видели в моём приказе.

Вот теперь в кармане стало по-настоящему тихо. Всё пространство сжалось до Лады и её выключенного прицела.

— Это ведь не кино, — сказал я. — Я не могу выводить людям правду на стену за красивые глаза.

— А за некрасивые?

— За цену.

— Какова цена?

Я ткнул большим пальцем себе за шиворот.

— Горячая цена...

Лада посмотрела на мой затылок, но, естественно, без теньки сочувствия. Это была холодная оценка. Так специалист смотрит на механизм, который может взорваться ещё до конца смены.

— Егор, если это попытка получить мой доступ, я вас просто вырублю из прализатора.

— Если бы я хотел ваш доступ, я бы начал с фразы поумнее.

— У вас, что и такие бывают такие?

— Редко. Я их берегу. Только для своих.

Она достала из внутреннего кармана плоский служебный браслет, который был переносным ключом. Это была чёрная пластина, шесть контактов и узкая белая полоска у самого края. Когда она активировала его большим пальцем, воздух рядом с браслетом для Арбитра словно стал плотнее. Не видимее, а именно плотнее. Порт тут же отозвался острой болью в затылке. Я выдохнул через нос, стараясь не зашипеть, но не вышло — звук всё равно сорвался.

Лада это заметила.

— Дистанция?

— Нужно ближе.

— Нет.

— Тогда спросите у своего браслета сами, почему он вам врёт.

Она сделала ещё шаг. Пистолет остался в её правой руке, стволом направленный пониже моего горла и повыше пупка, браслет — в левой. Лада держала его так, чтобы я не мог схватить, но чтобы Арбитр смог дотянуться.

Строки пошли сразу, но это были рваные, искажённые куски, с помехами, обрывками двоичного кода и красными провалами. Арбитр не любил чужие закрытые контуры. Он цеп-

лялся за края, тянул, обжигался и тянул снова, а затылок будто прижали к раскалённой плитке. В глазах на секунду потемнело, и я упёрся ладонью в мокрую стену контейнера, чтобы не качнуться.

[ОЛИМП / ПАКЕТ КОНТРАКТА ИСПОЛНИТЕЛЯ]

Контракт: кризисный возврат актива.

Исполнитель: Лада Корвин, внешний специалист.

Заказчик: «Олимп Бионикс», закрытый канал.

Основание: приказ внутренней безопасности.

Цель: найти и удержать носителя до передачи медицинскому контуру.

Ограничение: повреждение головы и порта недопустимо.

Юридический риск: приказ внутренней безопасности требует действующей подписи и подтверждённого основания.

Вывод: контракт силён до первой проверки подписи. После проверки исполнитель может стать участником спорной регистрации.

Дальше строка распалась на нули и единицы. Во рту появился отчётливый привкус металла, и я сжал зубы, понимая, что шлёпнуться в обморок сейчас никак нельзя. В этом случае я имею все шансы больше не очнуться. Лада на меня смотрела слишком внимательно.

— Продолжайте... — приказала она.

— Вы всегда так заботливы с пациентами?

— Вы не пациент, а цель.

— Вот из-за таких фраз люди и не ходят в корпоративные клиники.

Глава 10. Приказ мертвеца

Я попытался ухватить следующую цепочку в браслете Лады, но поспешил, надавил сильнее, чем следовало, и сразу получил за это по затылку таким обжигающим ударом, будто порт решил прожечь мне череп изнутри и выйти наружу самостоятельной жизнью. Перед левым глазом поплыла красная рябь, язык прилип к нёбу, а в горле поднялся кислый привкус, от которого захотелось согнуться и выbleвать на пол всё, что ещё оставалось в желудке. Хороший, в общем, рабочий процесс. Очень в духе моего района. Хочешь воспользоваться чужой бюрократией, сначала наотмашь получи по нервной системе.

Пришлось остановиться, втянуть воздух и подумать о документах как о старой проводке в подвале. Не дёргать с корнем, потому что вместе с проводом легко вытащишь половину стены, а искать место, с уже прохудившейся изоляцией уже, где достаточно легонько задеть контактом, чтобы вся хренотень сама выдала искру. Арбитр в затылке зло зашевелился, горячий, недовольный и перегруженный, но на этот раз всё-таки послушался. Не сразу. Сначала он словно боднул меня изнутри короткой волной жара, проверяя, кто здесь командует, потом сбавил нажим и осторожно полез в серую глубину чужого служебного пакета.

В браслете Лады открылся вложенный документ.

[АРБИТР / ПРОВЕРКА ПРОТОКОЛА ИЗЪЯТИЯ]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.